

Зигмунд Фрейд

ПСИХОЛОГИЯ.
ВЫСШИЙ КУРС

БОЛЬШАЯ КНИГА ПСИХИКИ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Толкование
сновидений

По ту сторону
принципа
удовольствия

Психология. Высший курс

Зигмунд Фрейд

**Большая книга психики и
бессознательного. Толкование
сновидений. По ту сторону
принципа удовольствия**

«Издательство АСТ»

УДК 159.96
ББК 88.6 Ф8

Фрейд З.

Большая книга психики и бессознательного. Толкование сновидений. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд — «Издательство АСТ», — (Психология. Высший курс)

ISBN 978-5-17-100216-9

Знаменитые работы основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда, выдержавшие рекордное количество переизданий, остаются одними из главных научных бестселлеров столетия! Самое полное и точное введение в теорию и практику психоанализа, психологию и психоанализ сновидений, человеческого поведения в норме и патологии. Перевод выполнен ведущим переводчиком Фрейда и выгодно отличается от предыдущих переводов особой выверенностью терминологии, уточненной и приведенной в соответствие с современными языковыми и научными нормами. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.96
ББК 88.6 Ф8

ISBN 978-5-17-100216-9

© Фрейд З.
© Издательство АСТ

Содержание

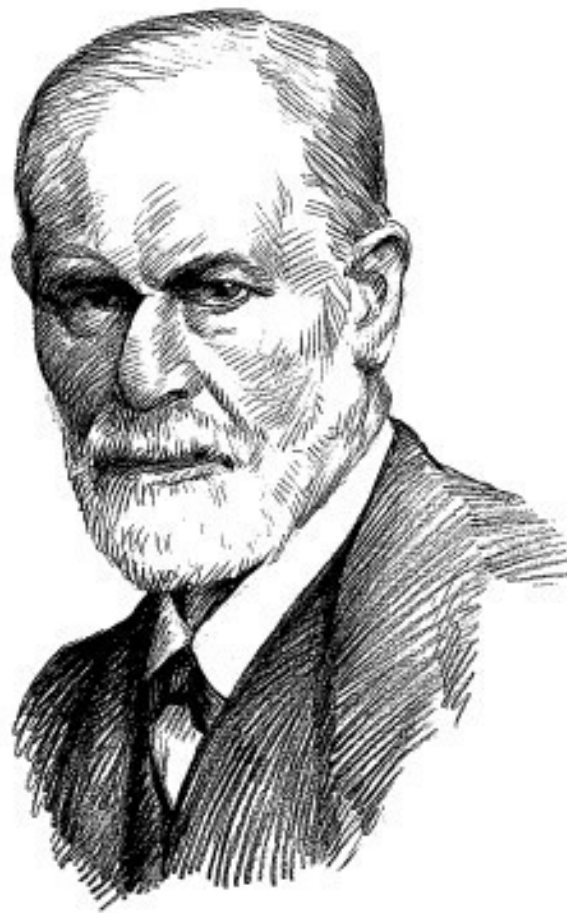
Толкование сновидений	6
Предварительное замечание	7
Предисловие ко второму изданию	8
Предисловие к третьему изданию	9
Предисловие к четвертому изданию	10
Предисловие к пятому изданию	11
Предисловие к шестому изданию	12
Предисловие к восьмому изданию	13
Предисловие к третьему (исправленному) английскому изданию[4]	14
I. Научная литература по проблемам сновидений	15
А. Отношение сновидения к жизни в бодрствовании	17
Б. Материал сновидения – память в сновидении	19
В. Внешние раздражители и источники сновидений	25
1) Внешние раздражения, исходящие от органов чувств	26
2) Внутреннее (субъективное) раздражение органов чувств	30
3) Внутреннее (органическое) телесное раздражение	32
4) Психические источники раздражения	35
Г. Почему сновидение забывается при пробуждении?	37
Д. Психологические особенности сновидения	39
Е. Этические чувства в сновидении	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Зигмунд Фрейд
Большая книга психики и
бессознательного. Толкование сновидений.
По ту сторону принципа удовольствия

Издательство АСТ благодарит ректора Восточно-Европейского института психоанализа, Заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологических наук, профессора М. М. Решетникова за помощь, оказанную при подготовке данной книги.

Толкование сновидений

Толкование сновидений

Sigmund Freud

Die Traumdeutung

Предварительное замечание

Делая попытку описать здесь толкование сновидений, я, как мне кажется, не выхожу за рамки невропатологических интересов. Ибо при психологической проверке сновидение оказывается первым звеном в ряду аномальных психических образований, из которых другими звеньями – истерическими фобиями, навязчивыми и бредовыми представлениями – врач должен заниматься по практическим соображениям. Как будет показано, на такое практическое значение сновидение претендовать не может; но тем больше его теоретическая ценность как парадигмы. Кто не умеет объяснить себе возникновение образов сновидений, тот тщетно будет пытаться понять фобии, навязчивые и бредовые идеи и то, каким образом можно на них терапевтически повлиять.

Но этой же взаимосвязью, которой обязана своей важностью наша тема, объясняются и недостатки данной работы. Изрядное количество встречающихся в ней пробелов соответствует не меньшему числу точек соприкосновения, где проблема образования сновидений соотносится с более общими проблемами психопатологии, обсудить которые здесь не было возможности и которым будут посвящены дальнейшие исследования, если на то будут время и силы и если появится последующий материал.

Своеобразие материала, который я использовал для разъяснения толкования сновидений, затрудняло мою работу над этой публикацией. Из изложения само собой станет понятным, почему все сновидения, которые описаны в литературе или которые можно собрать у незнакомых людей, непригодны для моих целей. У меня был только выбор между собственными сновидениями и сновидениями моих пациентов, с которыми проводится психоаналитическое лечение. Использование последнего материала затруднялось тем обстоятельством, что здесь процессы сновидения подвергались нежелательному усложнению из-за привнесения невротических элементов. С сообщением же собственных сновидений неразрывно было связано то, что я раскрывал перед чужим взором больше интимных подробностей моей внутренней жизни, чем мне бы хотелось и чем обычно это делает автор – не поэт, а естествоиспытатель. Это было неприятно, но неизбежно; и я примирился с этим, чтобы не отказываться вообще от аргументации своих психологических положений. Разумеется, я не мог противостоять искушению при помощи разного рода пропусков и замен скрыть наиболее интимные подробности; но это всегда наносило существенный ущерб ценности приводимых мною примеров. Я могу только высказать надежду, что читатели этой книги войдут в мое затруднительное положение и будут ко мне снисходительны и, кроме того, что все люди, которые так или иначе затрагиваются в приводимых сновидениях, не откажутся предоставить свободу мысли по крайней мере этой сфере жизни.

Предисловие ко второму изданию

Тем, что не минуло еще и десяти лет с тех пор, как вышла в свет эта трудная для прочтения книга, и уже появилась потребность во втором ее издании, я обязан отнюдь не интересу специалистов, к которым обращался на предыдущих страницах. Мои коллеги-психиатры, похоже, не особо старались преодолеть первоначальное отчуждение, которое могло пробудить в них мое новое понимание сновидений, а философы по профессии, привыкшие обсуждать проблему жизни сновидений как добавление к состояниям сознания с помощью нескольких – как правило, одних и тех же – тезисов, очевидно, не заметили, что именно с этого конца можно извлечь много всего, что должно привести к коренному преобразованию наших психологических теорий. Реакция научной критики могла лишь подтвердить мое ожидание, что участием этого моего труда будет его замалчивание; также и небольшая кучка смелых сторонников, которые следуют за мной по пути врачебного применения психоанализа и по моему примеру толкуют сновидения, чтобы эти толкования использовать при лечении невротиков, едва ли могли раскупить первое издание книги. Поэтому я чувствую себя обязанным тому широкому кругу образованных и любознательных лиц, чья заинтересованность и стала причиной предложения мне спустя девять лет снова взяться за этот непростой и во многих отношениях фундаментальный труд.

С радостью могу сказать, что мне не пришлось вносить много изменений. Я только включил кое-где новый материал, добавил несколько идей, возникших благодаря накопленному мною опыту, и местами кое-что переработал; но все существенное о сновидении и его толковании, а также о вытекающих из этого психологических принципах осталось без изменений. Все это – по крайней мере, субъективно – выдержало испытание временем. Кто знаком с моими другими работами (об этиологии и механизме психоневрозов), знает, что я никогда не выдавал неготового и неполного за полное и готовое и всегда старался менять свои формулировки по мере накопления опыта; но в области толкования сновидений я мог оставаться на своих первоначальных позициях. За долгие годы своей работы над проблемами неврозов я постоянно испытывал сомнения и кое в чем заблуждался; и только в *толковании сновидений* я каждый раз снова обретал уверенность. Поэтому, наверное, мои многочисленные научные противники проявляют здоровый инстинкт, не желая следовать за мной в область изучения сновидений.

Также и материал данной книги, эти большей частью обесцененные событиями или устаревшие сновидения, на примере которых я разъяснял правила толкования сновидений, проявил при пересмотре «инерционную способность», противившуюся внесению каких-либо изменений. Для меня лично эта книга имеет еще и другое субъективное значение, которое я сумел понять лишь по ее окончании. Она оказалась частью моего самоанализа, моей реакцией на смерть отца, то есть на самое значимое событие – ведущую к коренным изменениям утрату в жизни мужчины. Поняв это, я почувствовал себя неспособным уничтожить следы этого воздействия¹. Но читателю, наверное, безразлично, на каком материале он учится оценивать и толковать сновидения.

Если необходимое замечание не укладывалось в прежний контекст, я указывал, что оно появилось еще до второй редакции, с помощью квадратных скобок².

Берхтесгаден,
лето 1908 года

¹ Отец Фрейда умер в 1896 году. Указания на то, какие чувства в то время испытывал Фрейд, можно найти в его письме Флиссу от 2 ноября 1896 года (Freud, 1950a, письмо 50). – *Прим. ред.*

² *Дополнение, сделанное в 1914 году:* В последующих изданиях [начиная с 4-го] я от этого вновь отказался.

Предисловие к третьему изданию

Если между первым и вторым изданием этой книги прошло девять лет, то потребность в третьем издании стала чувствоваться уже немногим более чем через год. Я мог бы порадоваться такой перемене; но если прежде пренебрежение моим трудом со стороны читателей я не считал доказательством его негодности, то и теперь проявившийся к нему интерес я не могу расценивать как доказательство того, что он превосходен.

Прогресс научной мысли не оставил в стороне и «Толкования сновидений». Когда в 1899 году я писал эту книгу, *теории сексуальности* [1905d] еще не существовало, а анализ более сложных форм психоневрозов еще только зарождался. Толкование сновидений должно было стать вспомогательным средством, обеспечивающим психологический анализ неврозов; углубившееся с тех пор понимание неврозов само стало оказывать влияние на представления о сновидениях. Теория толкования сновидений развивалась в том направлении, на котором не был сделан достаточный акцент в первом издании этой книги. С тех пор благодаря собственному опыту, а также работам В. Штекеля и других я научился правильнее оценивать объем и значение символики в сновидении (или, вернее, в бессознательном мышлении). Таким образом, в течение этих лет скопилось многое, что требовало специального к себе внимания. Я попытался учесть эти новации с помощью многочисленных вставок в тексте и примечаний. Если эти добавления угрожают порой выйти за рамки изложения или если не везде удалось поднять первоначальный текст до уровня наших нынешних взглядов, то к этим недостаткам своей книги я прошу снисхождения, поскольку они являются лишь следствиями и признаками ускоренного развития нашего знания. Я также отважусь предсказать, по каким другим направлениям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», если появится в них потребность. С одной стороны, они должны будут искать более тесную связь с богатым материалом поэзии, мифологии, языка и фольклора, а с другой стороны, более подробно, чем это было возможно сейчас, затронут отношения сновидения к неврозу и психическому расстройству.

Господин Отто Ранк оказал мне ценную услугу при выборе дополнений и собственноручно проверил оттиски. Я благодарен ему и многим другим за внесенные поправки.

Вена,

весна 1911 года

Предисловие к четвертому изданию

В прошлом году (1913) доктор А. А. Брилл в Нью-Йорке подготовил английский перевод этой книги. (The Interpretation of Dreams. G. Allen & Co., London.)

Господин доктор Отто Ранк на этот раз не только обеспечил корректуру, но и обогатил текст двумя самостоятельными статьями.

Вена,

июнь 1914 года

Предисловие к пятому изданию

Интерес к «Толкованию сновидений» не стих и во время мировой войны, и еще до ее окончания появилась необходимость в новом издании. В нем, однако, не удалось полностью учесть новую литературу, появившуюся после 1914 года; если она выходила на иностранных языках, то ни я, ни доктор Ранк вообще не имели возможности с ней ознакомиться.

Венгерский перевод «Толкования сновидений», сделанный доктором Холлосом и доктором Ференци, близок к выходу в свет. В моих «Лекциях по введению в психоанализ», опубликованных в 1916/17 годах (Х. Хеллером в Вене), одиннадцать лекций посвящены изложению проблемы сновидений; я стремился сделать изложение более простым и преследовал цель показать внутреннюю связь сновидений с учением о неврозах. В целом по своему характеру оно представляет собой выдержки из «Толкования сновидений», хотя в отдельных местах приводится больше подробностей.

На основательную переработку этой книги, которая подняла бы ее на уровень наших нынешних психоаналитических представлений, но зато уничтожила бы ее историческое своеобразие, я так и не смог решиться. Однако я думаю, что за свое почти двадцатилетнее существование задачу свою она выполнила.

Будапешт-Штайнбрух,
июль 1918 года

Предисловие к шестому изданию

Трудности, которые в настоящее время испытывает книжное дело, стали причиной того, что настоящее новое издание вышло в свет намного позже, чем это соответствовало потребности, и что оно – впервые – появляется в виде перепечатки предшествующего издания без внесения каких-либо изменений. И только список литературы в конце книги был дополнен и продолжен доктором О. Ранком.

Таким образом, мое предположение, что эта книга за свое почти двадцатилетнее существование задачу свою выполнила, не подтвердилось. Я мог бы скорее сказать, что ей предстоит решить новую задачу. Если раньше речь шла о том, чтобы дать некоторые разъяснения по поводу сущности сновидения, то теперь настолько же важно преодолеть упорное непонимание, на которое эти разъяснения наталкиваются.

Вена,

апрель 1921 года

Предисловие к восьмому изданию

На период между последним, седьмым, изданием этой книги (1922) и нынешней новой редакций приходится издание «Собрания сочинений», организованное Международным психоаналитическим издательством в Вене. В нем восстановленный текст первого издания составляет второй том, все более поздние дополнения объединены в третьем томе. Появившиеся в этот же промежуток времени переводы относятся к книге, выходящей в самостоятельной форме, – это французский перевод И. Мейерсона (1926), имеющий название «La science des rêves» (в «Bibliothèque de Philosophie contemporaine»), шведский перевод Йона Ландквиста («Drömtydning», 1927) и испанский перевод Луиса Лопеса Балестероса-и-де Торреса, вошедший в VI и VII тома «Obras Completas». Венгерский перевод, который еще в 1918 году я считал близким к выходу в свет, до сих пор так и не появился³.

Также и в данной редакции «Толкования сновидений» я относился к этому труду, в сущности, как к историческому документу и внес в него только те изменения, которые напрашивались благодаря прояснению и углублению моих собственных мыслей. В связи с такой установкой я окончательно отказался включать в эту книгу литературу по проблемам сновидений, вышедшую после первой публикации «Толкования сновидений», и опустить соответствующие разделы предыдущих изданий. Кроме того, я отказался от обеих статей – «Сновидение и поэзия» и «Сновидение и миф», – которые Отто Ранк подготовил для прежних изданий.

Вена,
декабрь 1929 года.

³ Он вышел в 1934 году. – Помимо упомянутых в этих предисловиях переводов при жизни Фрейда вышли в свет русское (в 1913), японское (1930) и чешское (1938) издания.

Предисловие к третьему (исправленному) английскому изданию⁴

В 1909 году Дж. Стэнли Холл пригласил меня в Университет Кларка в Вустере прочесть пять лекций о психоанализе⁵. В этом же году доктор Брилл опубликовал первый из своих переводов моих трудов, за которым вскоре последовали другие. Если психоанализ стал играть теперь определенную роль в интеллектуальной жизни Америки или будет играть ее в будущем, то значительную часть такого результата надо будет приписать этой деятельности и другим начинаниям доктора Брилла. Его первый перевод «Толкования сновидений» появился в 1913 году. С тех пор в мире многое произошло, и многое изменилось в наших взглядах на неврозы. Эта книга, удивившая при своем появлении (1900) мир своим новым вкладом, который она внесла в психологию, выходит, в сущности, без изменений. В полном соответствии с моими нынешними представлениями она содержит самое ценное из открытий, которые благосклонная судьба позволила мне совершить. Озарения подобного рода выпадают на долю человека, но только раз в жизни.

Вена, 15 марта 1931 года

⁴ Это предисловие, написанное на английском языке, отсутствует в ранее выходивших немецких изданиях, и не существует его дословного немецкого текста.

⁵ «О психоанализе», 1910а.

I. Научная литература по проблемам сновидений

На последующих страницах я постараюсь привести доказательство того, что имеется психологическая техника, позволяющая толковать сновидения, и что при использовании этого метода любое сновидение предстает полным смысла психическим образованием, которое в надлежащем месте может быть включено в душевную деятельность в состоянии бодрствования. В дальнейшем я попытаюсь прояснить процессы, которыми обусловлены странность и непонятность сновидения, и на основании этого сделать вывод о природе психических сил, из взаимодействия или противодействия которых и образуется сновидение. Если это удастся, то мое изложение на том и прервется, достигнув пункта, где проблема видения снов выливается в более общую проблему, для решения которой нужно будет привлечь другой материал.

Своему изложению я предпосылаю обзор того, что было сделано предыдущими авторами, а также современного положения проблем сновидения в науке, поскольку в дальнейшем у меня будет нет так много поводов к этому возвращаться. Научное понимание сновидения, несмотря на тысячелетние попытки, продвинулось очень мало. Все авторы настолько единодушны в этом, что кажется излишним приводить отдельные голоса. В сочинениях, список которых я прилагаю в конце своей книги, имеется много ценных замечаний и интересного материала по нашей теме, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы сущности сновидения или окончательно разрешало бы его тайну. Еще меньше, разумеется, перешло в знание образованных людей, не являющихся специалистами.

Какое понимание в древние времена человечества нашло сновидение у первобытных людей и какое влияние оно, возможно, оказало на формирование их представлений о мире и о душе – это настолько интересная тема, что я лишь с большой неохотой отказываюсь от ее рассмотрения в данном контексте. Я сошлюсь на известные труды сэра Дж. Лаббока, Г. Спенсера, Э. Б. Тайлора и др. и только добавлю, что значение этих проблем и умозрительных рассуждений может стать нам понятным лишь после того, как мы решим стоящую перед нами задачу «толкования сновидений».

Очевидно, отзвук древнего представления о сновидениях лежит в основе оценки сновидений у народов классической античной эпохи. Они считали, что сновидения связаны с миром сверхчеловеческих существ, в которых они верили, и приносили откровения со стороны богов и демонов. Кроме того, им казалось, что сновидения имеют особый смысл для сновидца, как правило открывая ему будущее. Однако чрезвычайное разнообразие снов по их содержанию и впечатлению не позволяло прийти к единому их пониманию и заставляло разграничивать сны и разбивать их на группы в зависимости от их ценности и достоверности. Разумеется, у отдельных античных философов оценка сновидения была связана с местом, которое они отводили *искусству предсказывать будущее* как таковому.

В обоих посвященных сновидениям сочинениях Аристотеля сновидение становится уже объектом психологии. Мы узнаем, что сновидение имеет демоническую, а не божественную природу; поскольку сама природа имеет не божественное, а демоническое происхождение; таким образом, сновидение возникает не как сверхчеловеческое откровение, а по законам человеческого духа, родственного, однако, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, покуда он спит.

Аристотелю известны некоторые особенности жизни во сне, например, что сновидение превращает слабые, действующие во время сна раздражения в сильные («человеку кажется, будто он проходит через огонь и горит, тогда как на самом деле происходит лишь совершенно незначительное нагревание той или другой части тела»), и он делает из этого вывод, что по сновидениям врач может догадаться о первых, незаметных днем признаках начинающегося изменения в теле.

Как известно, древние до Аристотеля считали сновидение не творением грезящей души, а внушением с божественной стороны, и оба противоположных течения, с которыми мы все время сталкиваемся при оценке жизни во сне, обнаруживаются уже и у них. Истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему, чтобы предостеречь его или открыть ему будущее, они отличают от пустых, обманчивых и ничтожных, целью которых было ввести его в заблуждение или погубить.

Группе (1906) приводит такую классификацию сновидений по Макробийусу и Артемидору: «Сновидения разделяли на два класса. Одни оказывают влияние только через настоящее (или прошлое), но для будущего они не имеют никакого значения; они охватывают *ενυπνια*, *insomnia*, которые непосредственно воспроизводят данное представление или его противоположность, например голод или его утоление, и *φαντασματα*, которые расширяют данное представление в форме фантазии, например кошмара или о государственном изменнике. И наоборот, второй класс сновидений считался определяющим будущее; к нему относятся: 1) непосредственное пророчество, которое человек воспринимает во сне (*χρηματισμοζ*, *oraculum*), 2) предсказание предстоящего события (*οραμα*, *visio*), 3) символическое, нуждающееся в истолковании сновидение (*ονειροζ*, *somnium*). Эта теория сохранялась на протяжении многих столетий».

С этой различной оценкой снов была связана задача «толкования сновидений». Поскольку в целом от сновидений ожидали важных разъяснений, но не все сны можно было понять непосредственно и не всегда можно было узнать, не сообщал ли некий непонятный сон все-таки что-то важное, это дало толчок усилиям заменить непонятное содержание сновидения понятным и при этом полным значения. Самым большим авторитетом в толковании сновидений в эпоху поздней античности считался Артемидор из Дальдиси, обстоятельный труд которого должен возместить нам пропавшие сочинения на эту тему⁶.

Донаучное понимание сновидений у древних, несомненно, находилось в полном созвучии с их общим мировоззрением, в котором во внешний мир в качестве реальности обычно проецировалось то, что имело реальность только в душевной жизни. Кроме того, здесь придавалось значение тому главному впечатлению, которое получает бодрствующий человек от сохраняющегося утром воспоминания о сновидении, ибо в этом воспоминании сновидение – как нечто чуждое, проистекающее словно из иного мира – противостоит остальному психическому содержанию. Впрочем, было бы ошибочно полагать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидений в наши дни не имеет сторонников; не говоря уже обо всех писателях-пиетистах и мистиках, которые изо всех сил стараются сохранить остатки когда-то обширной области сверхъестественного, пока они не оказались захвачены естественнонаучным разъяснением, – встречаются также очень проницательные, не склонные к каким-либо авантюрам люди, которые пытаются обосновать свою религиозную веру в существование и во вмешательство сверхчеловеческих духовных сил именно необъяснимостью явлений сна (Haffner, 1887). Оценка сновидений со стороны некоторых философских школ, например шеллингианцами⁷, явно созвучна не подвергавшемуся сомнениям в древности представлению о божественном происхождении снов; да и дискуссия о предвидящей, раскрывающей будущее силе сновидения не закончена, потому что попытки психологически объяснить накопленный материал недоста-

⁶ Дополнение, сделанное в 1914 году: О дальнейшей судьбе толкования сновидений в Средневековье см. у Дипгена (1912) и в специальных исследованиях М. Фёрстера (1910 и 1911), Готтхарда (1912) и др. О толковании сновидений у иудеев писали Алмоли (1848), Амрам (1901), Лёвингер (1908), а также совсем недавно, с учетом психоаналитической точки зрения, Лауэр (1913). Сведения о толковании сновидений у арабов приводят Дрекслъ (1909), Ф. Шварц (1913) и миссионер Тфинкджи (1913), у японцев – Миура (1906) и Ивайя (1902), у китайцев – Зеккер (1910/11), у индусов – Негеляйн (1912).

⁷ Фридрих Шеллинг являлся основным представителем пантеистической «натурфилософии», которая в начале XIX века была популярной в Германии. – Фрейд часто возвращался к вопросу об оккультном значении сновидений. См., в частности, «Новый цикл лекций по введению в психоанализ», 1933а (30-я лекция) – Прим. ред.

точные, как бы ни хотелось отвергнуть такое утверждение каждому, кто посвятил себя научному способу мышления.

Описать историю нашего научного познания проблем сновидения трудно из-за того, что в этом познании, каким бы ценным оно ни было в отдельных своих частях, нельзя заметить прогресса в определенных направлениях. Дело никогда не доходило до возведения фундамента из надежных результатов, на котором последующий исследователь мог бы затем продолжить свои построения. Каждый новый автор приступает к изучению проблемы заново и словно с самого начала. Если бы я захотел придерживаться хронологической последовательности при рассмотрении авторов и рассказывать о каждом из них по отдельности, какие взгляды на проблемы сновидения он высказывал, то мне бы пришлось отказаться от идеи набросать общую картину современного состояния знания о сновидениях. Поэтому я предпочел привязать изложение к темам, а не к авторам, и при описании каждой проблемы я буду приводить материал, который имеется в литературе для ее решения.

Но так как мне не удалось осилить всю необычайно разбросанную и затрагивающую другие темы литературу по данному вопросу, я должен просить читателей довольствоваться хотя бы тем, что в своем изложении я не упустил ни одного существенного факта и ни одной важной точки зрения.

До недавнего времени большинство авторов считали себя обязанными рассматривать сон и сновидение в единой взаимосвязи и, как правило, сюда же присоединяли оценку аналогичных состояний, простирающихся в область психопатологии, и сходных со снами явлений (таких, как галлюцинации, видения и т. д.). И наоборот, в самых последних работах обнаруживается стремление придерживаться ограниченной темы и в качестве предмета исследования брать один какой-либо вопрос из области сновидений. В этой перемене мне хочется видеть выражение убежденности в том, что в таких непонятных вещах понимания и согласия можно достичь только благодаря целому ряду детальных исследований. Я и могу предложить здесь не что иное, как такое детальное исследование, причем сугубо психологического характера. У меня мало поводов заняться проблемой сна, ибо это, по существу, физиологическая проблема, хотя и в характеристике состояния сна должно содержаться изменение условий функционирования психического аппарата. Поэтому я оставляю без внимания и литературу, посвященную сну.

Научный интерес к феноменам сновидения как таковым приводит к следующим, отчасти пересекающимся постановкам вопроса.

А. Отношение сновидения к жизни в бодрствовании

Пробудившийся человек в своем наивном суждении предполагает, что сновидение, если оно и не происходит из другого мира, тем не менее погрузило спящего в этот другой мир. Старый физиолог Бурдах, которому мы обязаны добросовестным и проницательным описанием феноменов сновидения, выразил это убеждение в часто цитируемом положении (Burdach, 1838, 474): «...Жизнь дня с ее тревожениями и наслаждениями, с радостями и горестями никогда не повторяется; скорее, сновидение желает нас от них избавить. Даже когда вся наша душа преисполнена какой-то проблемой, когда острая боль разрывает наше сердце или когда какая-либо цель забирает всю нашу психическую энергию, – сновидение либо дает нам нечто совершенно чуждое, либо заимствует из действительности лишь отдельные элементы для своих комбинаций, либо лишь входит в тональность нашего настроения и символизирует действительность». И. Г. Фихте (Fichte, 1864, Bd. I, 541) в этом же смысле прямо говорит о *дополняющих сновидениях* и называет их одним из тайных благодеяний самоисцеляющей природы духа.. Аналогичным образом высказывается и Л. Штрюмпель в своем справедливо получившем высокую оценку со всех сторон исследовании природы и возникновения сновидений (Strümpell, 1877, 16): «Кто видит сон, тот отворачивается от мира бодрствующего созна-

ния...» (ibid., 17); «В сновидении почти полностью теряется память относительно упорядоченного содержания бодрствующего сознания и его обычного поведения...» (ibid., 19); «Почти недоступное припоминанию отделение души в сновидении от обычных содержаний и процессов бодрствующей жизни...»

Однако подавляющее большинство авторов придерживаются противоположного мнения об отношении сновидения к жизни в бодрствовании. Например, Хаффнер (Haffner, 1887, 245): «Прежде всего сновидение служит продолжением жизни в бодрствовании. Наши сновидения всегда присоединяются к представлениям, незадолго до этого присутствовавшим в сознании. При тщательном наблюдении чуть ли не всегда обнаружится нить, которой сновидение связано с переживаниями предыдущего дня». Вейгандт (Weygandt, 1893, 6) говорит прямо противоположное приведенному выше утверждению Бурдаха: «Очень часто, по-видимому, в огромном большинстве сновидений можно наблюдать, что они не вырывают нас из привычной жизни, а в нее возвращают». Маури (Maury, 1878, 51) говорит в лаконической формуле: «Nous rêvons de ce que nous avons vu, dit, désiré ou fait»⁸. Йессен в своей «Психологии», появившейся в 1855 году, высказывается подробнее: «Так или иначе содержание сновидений всегда определяется индивидуальностью, возрастом, полом, общественным положением, уровнем образования, привычным образом жизни, а также событиями и опытом всей прежней жизни» (Jessen, 530).

Наиболее определенно по этому вопросу высказывается философ Й. Г. Э. Маас (Maas, 1805): «Опыт доказывает наше утверждение, что чаще всего нам снятся вещи, на которые больше всего направлены наши страсти. Из этого следует, что наши страсти должны влиять на создание наших снов. Честолюбивому человеку снится достигнутый (возможно, только в его воображении) или пока еще не достигнутый лавровый венец, тогда как влюбленный в своих снах общается с предметом своих сладких чаяний... Все чувственные желания и отвращения, которые таятся в сердце, могут, если они пробуждаются по какой-то причине, приводить к тому, что из представлений, связанных с ними, возникнет сновидение, или к тому, что эти представления будут вмешиваться в уже существующее сновидение». (По сообщению Винтерштейна в «Центральном психоаналитическом бюллетене».)

Точно так же представляли себе зависимость сновидения от жизни и древние люди. Я цитирую Радештока (Radestock, 1879): «Когда Ксеркс перед походом на греков не стал внимать добрым советам, не отказался от своего решения и слушался только своих снов, которые все время его к этому подстрекали, старый толкователь снов, перс Артабан, сказал ему очень метко, что сновидения чаще всего содержат то, о чем человек думает в бодрствовании».

В стихотворении Лукреция «De rerum natura» [«О природе вещей»] есть одно место (IV, 962):

*«Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret,
aut quibus in rebus multum sumus ante morati
atque in ea ratione fuit contenta magis mens,
in somnis eadem plerumque videmur obire;
causidici causas agere et componere leges,
induperatores pugnare ac proelia obire...»⁹*

⁸ Нам снится то, что мы видели, о чем говорили, чего желали и что делали (фр.). – Прим. пер.

⁹ «Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно, Иль отдавался мы чему-нибудь долгое время, И увлекало наш ум постоянно занятие это, То и во сне представляется нам, что мы делаем то же: Стряпчий службы ведет, составляет условия сделок, Военачальник идет на войну и в сраженья вступает...» (лат., пер. Ф. А. Петровского). – Прим. пер.

Цицерон («De divinatione», LXVII, 140) говорит абсолютно то же самое, что и гораздо позднее Маури: «Maximeque reliquiae earum rerum moventur in animis et agitantur, de quibus vigilantes aut cogitavimus aut egimus»¹⁰.

Противоречие этих двух представлений об отношениях между жизнью во сне и в бодрствовании кажется действительно неразрешимым. Поэтому здесь уместно вспомнить воззрения Ф. В. Хильдебрандта (Hildebrandt, 1875, 8 etc.), который считает, что особенности сновидения вообще нельзя описать иначе, как через «ряд [трех] противоположностей, которые внешне обостряются до противоречий». «Первую из этих противоположностей образуют, с одной стороны, *полная оторванность или закрытость* сновидения от действительной и настоящей жизни, а с другой стороны, постоянное *вторжение* одного в другое, постоянная зависимость одного от другого. Сновидение – это нечто совершенно обособленное от действительности, воспринимаемой в бодрствовании, так сказать, герметически закрытое в самом себе бытие, отделенное от реальной жизни непроходимой пропастью. Оно отрывает нас от действительности, изглаживает из нашей памяти обычное воспоминание о ней и переносит нас в другой мир, в совершенно другую жизненную историю, которая в сущности не имеет ничего общего с настоящей...» Затем Хильдебрандт рассуждает о том, как при засыпании все формы нашего существования «словно исчезают за невидимой опускной дверью». Во сне, например, совершаешь морское путешествие на остров Святой Елены, чтобы живущего там в плену Наполеона угостить превосходным мозельским вином. Бывший император встречает необычайно любезно, и чувствуешь чуть ли не сожаление, когда эта интересная иллюзия исчезает при пробуждении. Но тут начинаешь сравнивать ситуацию во сне с действительностью. Виноторговцем ты никогда не был, да и быть не хотел. Морского путешествия никогда не совершал, и во всяком случае его целью едва ли бы был остров Святой Елены. К Наполеону же испытываешь отнюдь не симпатию, а скорее лютую патриотическую ненависть. Да и ко всему прочему тебя вообще еще не было на свете, когда на острове умер Наполеон; установить с ним личные отношения попросту невозможно. Таким образом, переживание в сновидении представляется чем-то чуждым, которое помещено между двумя вполне подходящими друг другу и одна другую продолжающими жизненными эпохами.

«И все же, – продолжает Хильдебрандт (ibid., 10), – кажущееся противоречие является таким же истинным и правильным. Я полагаю, что наряду с этой закрытостью и оторванностью существуют самая сокровенная связь и самые тесные отношения. Мы можем даже сказать: что бы ни представляло собой сновидение, оно берет свой материал из действительности и из духовной жизни, который разворачивается в этой действительности... Как бы причудливо оно с этим материалом ни обращалось, все же оно никогда не отделится от реального мира, а его самые возвышенные, равно как и комичные образования, должны будут всегда заимствовать свой основной материал из того, что либо стояло перед нашими глазами в чувственном мире, либо так или иначе уже заняло место в нашем бодрствующем мышлении, то есть, другими словами, из того, что мы уже пережили внешне или внутренне».

Б. Материал сновидения – память в сновидении

То, что весь материал, составляющий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний, то есть воспроизводится, *вспоминается* во сне, может во всяком случае считаться для нас бесспорным фактом. Но было бы ошибкой предполагать, что такая взаимосвязь содержания сновидения с жизнью в бодрствовании без труда должна выявиться в результате проведенного сравнения. Напротив, ее приходится внимательно отыскивать, и в

¹⁰ И все это по большей части происходит в душе как следы того, о чем мы в бодрствующем состоянии думали или что делали (лат., пер. М. И. Рижского). – Прим. пер.

целом ряде случаев она долгое время остается скрытой. Причина этого заключается во многих особенностях, которые обнаруживает память в сновидении и которые, несмотря на то что в целом их отмечают, до сих пор все же не нашли какого-либо объяснения. Пожалуй, имеет смысл остановиться на этих особенностях более подробно.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в содержании сновидения проявляется материал, который в бодрствовании человек не признает относящимся к своим знаниям и переживаниям. Возможно, он помнит, что ему это снилось, но он не помнит, что когда-либо это пережил. В таком случае он остается в неведении, из какого источника возникло сновидение, и, наверное, испытывает искушение поверить в самостоятельно продуцирующую деятельность сновидения, пока наконец – зачастую спустя долгое время – новое переживание не приносит обратно утерянное воспоминание о раннем переживании и тем самым не раскрывает источник сновидения. В таком случае приходится согласиться, что в сновидении человек знал и помнил нечто, чего он не помнил в бодрствовании¹¹.

Особенно впечатляющий пример подобного рода приводит Дельбёф (Delboeuf, 1885, 107 etc.) из своего собственного опыта. Ему приснился двор его дома, покрытый снегом; под снегом он нашел двух маленьких полузамерзших ящериц, которых он как любитель животных взял на руки, согрел и отнес обратно к норе возле стены. Туда же он положил несколько листьев папоротника, который рос возле стены и который, как он знал, они очень любили. Во сне он знал название растения: *Asplenium ruta muralis*. Сновидение продолжалось, после какой-то вставки снова вернулось к ящерицам, и, к удивлению Дельбёфа, он увидел двух новых маленьких животных, растянувшихся на остатках папоротника. Затем он перевел взгляд на открытое поле, увидел пятую, шестую ящерицу, направлявшуюся к норе в стене, и вскоре вся дорога оказалась усеяна ящерицами, следовавшими в этом же направлении.

Знания Дельбёфа в бодрствовании включали в себя лишь несколько латинских наименований растений, и название *Asplenium* туда не входило. К своему великому удивлению, ему пришлось убедиться, что папоротник с таким названием действительно существует. Его правильное обозначение – *Asplenium ruta muraria*; сновидение немного его исказило. О случайном совпадении едва ли можно было думать, и для Дельбёфа так и осталось загадкой, откуда во сне он взял слово *Asplenium*.

Сновидение приснилось в 1862 году; шестнадцать лет спустя философ, находясь в гостях у одного своего друга, увидел небольшой альбом с засушенными цветами, какие в качестве сувениров продают в некоторых частях Швейцарии туристам. У него всплывает воспоминание, он открывает гербарий, находит в нем *Asplenium* из своего сна и узнает свой собственный почерк, которым написано название растения. Теперь можно было установить связь. Сестра этого друга в 1860 году – за два года до сна о ящерицах – посетила Дельбёфа во время своего свадебного путешествия. У нее тогда был с собой этот купленный для брата альбом, и Дельбёф под диктовку одного ботаника согласился подписать латинские названия под каждым высушенным растением.

Случайность, сделавшая этот пример столь поучительным, позволила Дельбёфу свести и другую часть содержания этого сновидения к его забытым источникам. Однажды, в 1877 году, в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, в котором он увидел изображение шествия ящериц, приснившегося ему в 1862 году. Журнал был датирован 1861 годом, и Дельбёф сумел вспомнить, что с момента выхода в свет журнала он являлся его подписчиком.

То, что в распоряжении сновидения имеются воспоминания, которые недоступны бодрствованию, является настолько удивительным и теоретически важным фактом, что я хотел бы привлечь к нему еще большее внимание, сообщив еще о некоторых других «гипермнестиче-

¹¹ Дополнение, сделанное в 1914 году: Вашиде (Vaschide, 1911) утверждает также, что не раз отмечалось: в сновидении иностранная речь звучит привычнее и чище, чем в бодрствовании.

ских» сновидениях. Маури [Maury, 1878, 142] рассказывает, что какое-то время ему часто днем приходило в голову слово «Муссидан». Он знал, что это – название французского города, и больше ничего. Однажды ночью ему приснился разговор с каким-то человеком, который сказал ему, что он из Муссидана, а на вопрос, где этот город, ответил: Муссидан – окружной город в департаменте Дордонь. Проснувшись, Маури не поверил информации, которую он получил во сне, но, заглянув в географический справочник, убедился, что она была совершенно верной. Этот случай доказывает наличие в сновидении большего знания, но забытый источник этого знания в нем выяснен не был.

Йессен (Jessen, 1855, 551) рассказывает о совершенно аналогичном сновидении из давних времен: «Сюда относится, помимо прочего, сновидение Скалигера (Hennings, 1784, 300), который написал стих во славу знаменитых мужей в Вероне и которому приснился человек, назвавшийся Бруньолусом и пожаловавшийся на то, что про него забыли. Хотя Скалигер и не вспомнил, что когда-нибудь о нем слышал, он все же посвятил ему стих, а впоследствии его сын узнал в Вероне, что некогда этот Бруньолус прославился в ней как критик».

Гипермнестический сон, который отличается такой характерной особенностью, что в следующем сновидении опознается вначале не узнанное воспоминание, рассказывает маркиз д'Эрве де Сен-Дени [d'Hervey, 1867, 305] (по Vaschide, 1911, 232–233): «Однажды мне снилась молодая женщина с золотистыми светлыми волосами, которая беседовала с моей сестрой, пока та показывала ей какую-то вышивку. Во сне она показалась мне очень знакомой, я даже подумал, что видел ее уже не раз. После пробуждения это лицо по-прежнему живо стояло передо мной, но я абсолютно не мог его узнать. Тогда я снова заснул, и мне вновь привиделся этот же образ. В этом новом сне я обращаюсь к светловолосой даме и спрашиваю ее, не имел ли я удовольствия видеть ее уже где-то раньше. “Конечно, – отвечает дама, – вспомните морское купание возле Порника”. Я тотчас снова проснулся и мог теперь со всей уверенностью вспомнить подробности, которые были связаны с этим милым лицом, представшим во сне».

Этот же автор [ibid., 306] (по Vaschide, ibid., 233–234) рассказывает: один знакомый ему музыкант слышал во сне мелодию, которая показалась ему совершенно новой. И только через несколько лет он нашел ее нотную запись в старом сборнике музыкальных пьес, который он до этого держал в руках, но этого не помнил.

В одной, к сожалению, недоступной для меня работе («Proceedings of the Society for psychical research») Майерс опубликовал целую коллекцию таких гипермнестических сновидений. Я полагаю, каждый, кто занимается сновидениями, вынужден будет признать самым обычным явлением, что сновидение приводит доказательства наличия знаний и воспоминаний, которыми бодрствующий человек, казалось бы, не обладает. В психоаналитической работе с неврозами, о которой я расскажу чуть позже, я по несколько раз каждую неделю имею возможность показать пациентам на основании их сновидений, что они прекрасно знают разного рода цитаты, непристойные слова и т. п. и что они пользуются ими во сне, хотя в бодрствующем состоянии их не помнят. Я хотел бы здесь привести еще один безобидный пример гипермнезии во сне, поскольку в нем очень легко можно было обнаружить источники, из которых проистекают знания, доступные лишь сновидению.

Пациенту приснилось, что он, находясь в кофейне, попросил «контужовки». Рассказав мне об этом, он спросил, что это означает, ибо он никогда не слышал такого названия. Я ответил, что «контужовка» – это польская водка, и это название он не мог придумать во сне, потому что оно давно уже мне известно по рекламным плакатам. Сначала пациент мне не поверил. Но через несколько дней после того, как ему приснился сон про кофейню, он увидел это название на плакате, вывешенном на углу улицы, по которой он как минимум два раза в день проходил уже несколько месяцев.

Я сам на собственных сновидениях убедился, насколько открытие происхождения отдельных элементов сновидения зависит от случая. Так, в течение нескольких лет до написа-

ния этой книги меня преследовал образ очень простой по форме колокольни, и мне не удавалось припомнить, чтобы я когда-либо ее видел. Затем однажды я ее узнал, причем несколько в этом не сомневаясь, на небольшой станции между Зальцбургом и Райхенхаллем. Это было во второй половине 90-х годов, а в первый раз я проезжал эту станцию в 1886 году. В последующие годы, когда я уже активно занимался изучением сновидений, один часто повторявшийся во сне образ какого-то странного места буквально не давал мне покоя. Я видел во сне в определенном пространственном расположении по отношению ко мне, всегда от себя слева, темное помещение, в котором высвечивались несколько причудливых фигур из песчаника. Проблеск воспоминания, в котором, однако, я был далеко не уверен, говорил мне, что это вход в винный погребок, но мне не удавалось выяснить, ни что означает этот образ сновидения, ни откуда он взялся. В 1907 году я случайно приехал в Падую, в которой, к моему великому сожалению, мне не удавалось вновь побывать с 1895 года. Мое первое посещение прекрасного университетского города осталось неудачным: я не смог увидеть фресок Джотто в Мадонна дель Арене; по дороге туда я узнал, что церковь в этот день закрыта, и повернул обратно. Во время моего второго визита, двенадцать лет спустя, я решил наверстать упущенное и первым делом отправился в Мадонна дель Арену. На улице, ведущей туда, по левую руку от направления моего движения, вероятно, на том самом месте, где в 1895 году я повернул обратно, я увидел помещение, которое так часто видел во сне, с теми же самыми фигурами из песочника. Это и в самом деле был вход в небольшой ресторан в саду.

Одним из источников, из которых сновидение черпает материал для воспроизведения, отчасти таким, который не вспоминается в мыслительной деятельности в бодрствовании и никогда не используется, являются детские годы. Я приведу лишь нескольких авторов, которые обратили внимание на этот факт и его подчеркивали.

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 23): «Уже давно было признано, что иногда сновидение с изумительной репродуцирующей силой возвращает нашей душе оставленные и даже позабытые процессы из далеких времен».

Штрюмпель (Strümpell, 1877, 40): «Еще более поражает, когда замечаешь, что сновидение вновь извлекает совершенно невредимыми и в первозданной свежести образы отдельных мест, вещей, людей из глубочайших наслоений, которые были отложены временем на самых ранних переживаниях юности. Это не ограничивается только впечатлениями, ярко проявлявшимися в сознании при своем возникновении или связывавшимися с высокими психическими ценностями и впоследствии возвращавшимися в сновидении в виде воспоминания, которому радо пробудившееся сознание. Напротив, глубина памяти в сновидении охватывает также такие образы людей, вещей, мест и событий из самого раннего детства, которые либо осознавались лишь незначительно, либо не обладали психической ценностью, либо утратили и то и другое, а потому как в сновидении, так и по пробуждении кажутся совершенно чужими и незнакомыми до тех пор, пока не раскрывается их раннее происхождение».

Фолькельт (Volkelt, 1875, 119): «Особенно примечательно то, каким образом детские и юношеские воспоминания включаются в сновидение. О чем мы давно уже больше не думаем, о том, что для нас давно уже потеряло всякую ценность, – обо всем этом неустанно напоминает нам сновидение».

Господство сновидения над материалом, относящимся к детству, который, как известно, большей частью страдает пробелами сознательного припоминания, дает повод к возникновению интересных гипермнестических сновидений, из которых я опять-таки хочу привести несколько примеров.

Маури рассказывает (Maury, 1878, 92), что ребенком он часто ездил из своего родного города Мо в соседний Трильпор, где его отец руководил строительством моста. Однажды ночью в сновидении он снова оказывается в Трильпоре и играет на улицах города. К нему приближается человек, одетый в униформу. Маури спрашивает, как его зовут; тот представляется:

его зовут К., он сторожит мост. По пробуждении Маури, все еще сомневающийся в истинности воспоминания, спрашивает пожилую служанку, жившую у них в доме с самого его детства, не помнит ли она человека, носившего такую фамилию. «Конечно, – звучит ее ответ, – он сторожил мост, который в то время строил ваш отец».

Столь же красивый пример, подтверждающий надежность проявляющегося во сне детского воспоминания, приводит Маури [ibid., 143144] в сообщении о господине Ф., проводшем свое детство в Монбризоне. Этот человек спустя двадцать пять лет после своего отъезда решил вновь посетить родину и навестить старых друзей семьи, которых он давно уже не видел. Ночью накануне своего отъезда ему приснилось, будто он уже находится возле цели и неподалеку от Монбризона встречает с виду незнакомого ему господина, который ему говорит, что он – господин Т., друг его отца. Сновидец знал, что в детстве он действительно был знаком с господином с такой фамилией, но в состоянии бодрствования уже не мог вспомнить, как он выглядит. Через несколько дней, действительно приехав в Монбризон, он опознает увиденную им во сне местность, которую считал незнакомой, и встречает господина, в котором сразу же узнает господина Т. из своего сновидения. Разве что этот человек был значительно старше, чем выглядел во сне.

Я могу здесь рассказать свой собственный сон, в котором впечатление, всплывшее в памяти, было замещено отношением. Мне снился человек, про которого во сне я знал, что он работает врачом в моем родном городе. Его лицо не было четким, но оно смешалось с представлением об одном из моих учителей в гимназии, с которым я до сих пор еще иногда встречаюсь. Затем, в состоянии бодрствования, я никак не мог понять, какое отношение связывает этих двух людей. Но, спросив у своей матери про врача, который лечил меня в эти первые годы моего детства, я узнал, что он был слеп на один глаз, точно так же как слеп на один глаз и учитель гимназии, личность которого в сновидении перекрылась личностью врача. С тех пор как я не видел этого врача, прошло тридцать восемь лет, и, насколько я знаю, в бодрствующей жизни никогда о нем не думал, хотя шрам на шее должен был бы напоминать мне о его помощи.

Все выглядит так, будто необходимо создать противовес чрезмерной роли детских воспоминаний во сне, когда многие авторы утверждают, что в большинстве сновидений обнаруживаются элементы самого недавнего прошлого. Роберт (Robert, 1886, 46) утверждает даже: «Как правило, обычное сновидение занимается только впечатлениями последних дней». Но мы увидим, что построенная Робертом теория сновидения настоятельно требует такого оттеснения на задний план самых старых и выдвижения на передний план самых ранних переживаний. Факт же, о котором говорит Роберт, действительно существует, в чем я мог убедиться на основании собственных исследований. Американский ученый Нельсон (Nelson, 1888, 380381) полагает, что в сновидении чаще всего используются впечатления предпоследнего или третьего дня, словно впечатления дня, непосредственно предшествовавшего сновидению, пока еще недостаточно ослаблены, недостаточно отдалены.

Многие авторы, которые не сомневаются в тесной взаимосвязи содержания сновидения с жизнью в бодрствовании, обратили внимание на то, что впечатления, полностью овладевающие мышлением в бодрствовании, появляются в сновидении только тогда, когда в мыслительной работе, совершающейся днем, они в некоторой степени отодвигаются на задний план. Так, например, недавно умерший близкий человек не снится, как правило, сразу после его смерти, когда скорбь по нему пока еще наполняет тех, кто остался в живых (Delage, 1891). Между тем в одной из последних работ – мисс Халлам – собраны примеры и противоположного поведения, и в этом отношении она отстаивает идею психологической индивидуальности (Hallam, Weed, 1896).

Третья, самая удивительная и непонятная особенность памяти в сновидении проявляется в выборе воспроизводимого материала, поскольку в отличие от бодрствования, где ценится самое важное, сновидение, напротив, использует также самое безразличное и незначительное.

Я здесь предоставляю слово тем авторам, которые особенно резко выражали свое удивление по этому поводу.

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 11): «Самое поразительное то, что сновидение заимствует свои элементы, как правило, не из серьезных и важных событий, не из тех интересов, которые побуждали нас к каким-то поступкам в течение прошедшего дня, а из второстепенных вещей, так сказать, из ничего не стоящих обрывков того, что было пережито недавно или, наоборот, в далеком прошлом. Вызывающая потрясение смерть члена семьи, под впечатлением которой мы засыпаем под утро, изглаживается из нашей памяти до тех пор, пока первый момент бодрствования не возвращает нас к ней с сокрушительной силой. И наоборот, бородавка на лбу незнакомца, который нам случайно встретился и о котором мы вообще больше не думаем после того, как прошли мимо него, играет какую-то роль в нашем сновидении...»

Штрюмпель (Strümpell, 1877, 39): «... такие случаи, когда сновидение разбивается на составные части, которые хотя и проистекают из переживаний прошедшего или предпоследнего дня, все же являются для бодрствующего сознания такими несущественными и незначительными, что предаются забвению вскоре после того, как были восприняты. Подобными переживаниями являются, например, случайно услышанные высказывания или мимоходом замеченные поступки других, мимолетные восприятия вещей или людей, отдельные небольшие отрывки из книг и т. п.»

Хэвлок Эллис (Ellis, 1899, 727): «*The profound emotions of waking life, the questions and problems on which we spread our chief voluntary mental energy, are not those which usually present themselves at once to dream consciousness. It is, so far as the immediate past is concerned, mostly the trifling, the incidental, the "forgotten" impressions of daily life which reappear in our dreams. The psychic activities that are awake most intensely are those that sleep most profoundly*»¹².

По мнению Бинца (Binz, 1878, 4445), особенности памяти во сне, о которых здесь идет речь, служат поводом для того, чтобы высказать неудовлетворенность своим же объяснением сновидения: «Естественное сновидение ставит перед нами такие же вопросы. Почему нам не всегда снятся впечатления прожитого дня, а вместо этого без какого-либо понятного мотива мы погружаемся в далекое, почти забытое прошлое? Почему в сновидении сознание так часто воспринимает впечатления *безразличных* воспоминаний, в то время как клетки мозга, несущие в себе наиболее яркие следы пережитого, по большей части остаются безмолвствующими и бездействующими, хотя незадолго до этого в состоянии бодрствования они испытывали сильнейшее возбуждение?»

Легко понять, почему странное предпочтение памяти в сновидении безразличного и, следовательно, несущественного в дневных переживаниях должно вести к тому, что зависимость сновидения от бодрствования вообще не усматривается и обнаружение этой связи в каждом отдельном случае по меньшей мере усложняется. Вполне возможно, что именно поэтому мисс Уитон Калкинс (Calkins, 1893) при статистической обработке своих собственных сновидений (и сновидений своего спутника жизни) насчитала одиннадцать процентов снов, в которых связь с бодрствованием не просматривалась. Несомненно, Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875) был прав, утверждая, что все образы сновидения можно было бы генетически разъяснить, если бы каждый раз у нас было достаточно времени и материала для исследования их происхождения. Правда, он называет это «чрезвычайно трудным и неблагодарным занятием. Ведь в большинстве случаев в самых отдаленных уголках памяти пришлось бы выискивать всевозможные совершенно незначимые в психическом отношении вещи и вновь извлекать наружу всякого

¹² Глубокие эмоции бодрствующей жизни, вопросы и проблемы, на которые мы добровольно распространяем свою основную умственную энергию, обычно не заявляют о себе сразу спящему сознанию. Если иметь в виду непосредственное прошлое, то это в основном будут пустяковые, несущественные, «забытые» впечатления повседневной жизни, которые вновь проявляются в наших снах. Психическая активность, которая проявляется здесь наиболее интенсивно, – это та, что спит особенно глубоко (англ.). – Прим. пер.

рода индифферентные моменты давно прошедшего времени, позабытые, возможно, уже через час». Я должен, однако, выразить сожаление, что этот проникательный автор отступил от намеренного пути; он привел бы его в самый центр проблемы объяснения сновидений.

Работа памяти в сновидении, безусловно, крайне важна для построения любой теории памяти в целом. Утверждают, что «ничего из того, чем душа когда-то обладала, не может исчезнуть полностью» (Scholz, 1887, 34). Или, как выражается Дельбёф (Delboeuf, 1885, 115), *«que toute impression même la plus insignifiante, laisse une trace inaltérable, indéfiniment susceptible de reparaître au jour»*¹³, – вывод, к которому заставляют прийти также и многие другие, патологические, проявления душевной жизни. Необходимо иметь в виду эту необычайную работоспособность памяти в сновидении, чтобы живо ощутить противоречие, с которым будут сталкиваться другие теории сновидения, о которых речь пойдет несколько позже, если попытаются объяснить абсурдность и несвязность сновидений через частичное забывание того, что известно нам днем.

Можно, например, даже прийти к мысли свести феномен видения снов как таковой к воспоминанию, видеть в сновидении выражение не успокаивающейся даже ночью репродуцирующей деятельности, которая является самоцелью. С этим бы согласовались сообщения, такие, например, как сообщение Пильца (Pilcz, 1899), согласно которым можно доказать наличие прочных отношений между временем сна и содержанием сновидений: в глубоком сне воспроизводятся впечатления из давнего времени, но к утру – самые последние. Но такое представление с самого начала становится маловероятным уже по причине того, как сновидение обращается с материалом, подлежащим припоминанию. Штрюмпель (Strümpell, 1877, 18) справедливо обращает внимание на то, что повторения переживаний в сновидении не происходит. Сновидение, пожалуй, делает такую попытку, но недостает последующего звена; переживание возникает в измененном виде или же вместо него возникает нечто совершенно чужое. Сновидение дает лишь фрагменты репродукции. Несомненно, это является настолько типичным, что позволяет сделать теоретический вывод. Впрочем, бывают исключения, когда сновидение повторяет переживание в такой же мере полно, в какой это способна сделать наша память в бодрствовании. Дельбёф (Delboeuf, 1885, 239240) рассказывает про одного своего университетского коллегу, что во сне он во всех деталях заново совершил опасную поездку на автомобиле, во время которой только чудом избежал серьезной аварии. Мисс Калкинс (Calkins, 1893) упоминает два сновидения, которые по своему содержанию представляют собой точное воспроизведение переживания предыдущего дня, и у меня самого впоследствии будет повод для того, чтобы привести ставший мне известным пример воспроизведения во сне без каких-либо изменений одного детского переживания¹⁴.

В. Внешние раздражители и источники сновидений

Что следует понимать под внешними раздражителями и источниками сновидений, можно пояснить ссылкой на народную поговорку: «Все сны от желудка». За этими словами скрывается теория, в которой сновидение понимается как следствие нарушения сна. Человеку ничего бы не снилось, если бы его сну ничто не мешало, а сновидение и является реакцией на такую помеху.

¹³ Любое впечатление, даже самое незначительное, оставляет неизгладимый след, всякий раз способный проявляться днем (фр.). – Прим. пер.

¹⁴ Дополнение, сделанное в 1909 году: Основываясь на последующем опыте, я добавлю, что совсем не редко в сновидении повторяются безобидные и маловажные дневные занятия, например паковка чемодана, приготовление еды на кухне и т. п. Но в случае таких сновидений сновидец делает акцент не на воспоминании, а на «действительности»: «Все это я действительно делал днем».

В описаниях разных авторов самое большое место занимает обсуждение причин, которые приводят к возникновению сновидения. То, что эта проблема впервые возникла лишь после того, как сновидение стало объектом биологического исследования, является совершенно естественным. Древним людям, считавшим сновидение божьим посланием, и не требовалось искать побудительного источника; по воле божественной или демонической силы возникало сновидение; из знаний ее или намерений – его содержание. В науке сразу же возник вопрос, всегда ли раздражители, ведущие к возникновению сновидений, являются одинаковыми, или же они могут быть разнообразными, и вместе с тем обсуждалась дилемма: к какой области относится причинное объяснение сновидения – к психологии или, скорее, к физиологии. Большинство авторов, по-видимому, предполагают, что причины нарушения сна, то есть источники сновидения, могут быть разнообразны и что роль возбудителя сновидений играют как телесные раздражители, так и душевные волнения. В предпочтении того или иного источника сновидения, в установлении рангового порядка среди них в зависимости от их значения для возникновения сновидений мнения существенно расходятся.

Там, где перечисление источников сновидений является полным, в конечном счете возникает четыре их вида, которые также использовались для классификации самих сновидений: 1) *внешнее (объективное) раздражение органов чувств*; 2) *внутреннее (субъективное) раздражение органов чувств*; 3) *внутреннее (органическое) телесное раздражение*; 4) *чисто психические источники раздражения*.

1) Внешние раздражения, исходящие от органов чувств

Младший Штрюмпель, сын философа, работа которого о сновидении уже не раз служила нам руководством в проблеме сновидения, сообщил, как известно, о наблюдении над одним пациентом (1883/1884, т. 2), страдавшим общей анестезией телесных покровов и парезом некоторых высших органов чувств. Когда у этого человека закрывали от внешнего мира оставшиеся у него органы чувств, он впадал в сон. Когда мы хотим заснуть, мы все обычно стремимся оказаться в ситуации, аналогичной той, что была в эксперименте Штрюмпеля. Мы закрываем важнейшие органы чувств, глаза, и стараемся изолировать другие органы чувств от любых раздражителей или пытаемся не допустить какого-либо изменения действующих на них раздражителей. Мы засыпаем, хотя наши действия никогда в полной мере не удаются. Мы не можем ни полностью изолировать наши органы чувств от раздражителей, ни устранить их возбудимость. Нас в любое время способен разбудить более сильный раздражитель, и это доказывает, «что и во сне душа остается неразрывно связанной с внешним миром». Чувственные раздражения, действующие на нас во время сна, вполне могут стать источниками сновидений.

Такие раздражители образуют целый ряд – от неизбежных, которые приносит с собой или иногда вынуждено допускать состояние сна, до случайных раздражителей, которые пригодны или предназначены для того, чтобы сон прервать. Более яркий свет может попасть в глаза, может раздаться шум, пахучее вещество может возбудить слизистую оболочку носа. Непроизвольным движением во сне мы можем обнажить отдельные части тела и в результате почувствовать холод либо, изменив положение тела, сами вызвать ощущения давления или прикосновения. Нас может укусить муха, или что-то неприятное, произошедшее ночью, может не давать покоя сразу нескольким органам чувств. Внимательные наблюдатели составили целый список сновидений, в которых раздражение, констатируемое при пробуждении, и отдельные содержания сновидения настолько совпадали друг с другом, что раздражение справедливо можно было признать источником сновидения.

Собрание таких сновидений, которые объясняются – более или менее случайными – объективными чувственными раздражителями, я приведу здесь по Йессену (Jessen, 1855, 527528): «Каждый неясно воспринятый шум вызывает соответствующие образы сновидения: раскаты

грома переносят нас на поле битвы, крик петуха превращается в вопль ужаса человека, скрип двери вызывает сновидение о разбойничьем нападении».

«Когда ночью с нас спадает одеяло, нам снится, что мы ходим голые или что мы упали в воду. Когда мы лежим в постели наискось или когда ноги свешиваются через край, нам снится, возможно, что мы стоим на краю страшной пропасти или что мы падаем вниз с огромной высоты. Если голова случайно оказывается под подушкой, то снится, будто над нами висит огромная скала, готовая нас похоронить под своей тяжестью. Накопление семенной жидкости вызывает сладострастные сновидения, местные болевые ощущения – представление об истязаниях, вражеском нападении или случившихся телесных повреждениях...»

«Майеру (Meier, 1758, 33) однажды снилось, что на него напали несколько человек, которые уложили его спиной на землю и между большим и вторым пальцами ноги вбили в землю кол. Пока он представлял себе это во сне, он проснулся и увидел, что между пальцами ноги у него торчит соломинка. Хеннигсу (Hennings, 1784, 258) как-то приснилось, что его повесили. Проснувшись, он заметил, что воротник рубашки сдавил ему шею. Хоффбауэру [Hoffbauer, 1796, 146] приснилось в юности, что он упал с высокой стены; по пробуждении он обнаружил, что кровать под ним сломалась и что он действительно упал на пол... Грегори сообщает, что однажды, ложась спать, он положил к ногам бутылку с горячей водой, а затем во сне совершил прогулку на вершину Этны, где жар раскаленной земли был почти нестерпим. Одному человеку, которому на голову поставили шпанских мушек, снилось во сне, что его оскальпировали индейцы; другому человеку, спавшему в мокрой сорочке, снилось, что его уносит потоком реки. Случившийся во сне приступ подагры вызвал у одного больного представление, будто он попал в руки инквизиции и терпит страшные пытки (Macnish, 1835, 40)».

Аргументацию, основанную на сходстве раздражителя и содержания сновидения, можно усилить, если путем планомерной стимуляции органов чувств у спящего удастся вызывать соответствующие раздражителю сновидения. Такие опыты, согласно Макнишу (loc. cit., Jessen, 1855, 529), уже проводил Жиро де Бузаренг (de Buzareingues, 1848, 55). «Во сне он оставлял открытыми колени, и ему снилось, что он ночью едет в дилижансе. При этом он замечает, что путешественники хорошо знают, как ночью в карете мерзнут колени. В другой раз он не укрыл голову, и ему снилось, будто он присутствовал на религиозной церемонии, проходившей на свежем воздухе. В стране, в которой он жил, было принято постоянно носить головные уборы за исключением мероприятий, подобных вышеупомянутому».

Маури (Maury, 1878) рассказывает о новых наблюдениях над вызванными им самим сновидениями. (Ряд других опытов успехом не увенчался.)

1. Его щекочут пером по губам и кончику носу. – Снится страшная пытка: смоляная маска накладывается ему на лицо и затем срывается вместе с кожей.

2. Точат ножницы о пинцет. – Он слышит звон колоколов, потом набат и переносится в июньские события 1848 года.

3. Ему дают понюхать одеколон. – Он находится в Каире, в лавке Иоганна Марии Фарины. За этим следует множество приключений, которые он воспроизвести не может.

4. Его слегка щиплют за шею. – Ему снится, что ему ставят шпанских мушек, и он вспоминает врача, который лечил его в детстве.

5. К его лицу подносят раскаленное железо. – Ему снятся «кочегары»¹⁵, которые врываются в дом и принуждают жильцов отдать им свои деньги, заставляя их босиком стоять на раскаленных углях. Затем появляется герцогиня Абрантская, секретарем которой во сне он является.

¹⁵ «Кочегарами» («*chauffeurs*») во времена Французской революции называли разбойничьи банды в Вандее, которые применяли подобные пытки.

6. Ему на лоб капают воду. – Он находится в Италии, сильно потеет и пьет белое орвиетское вино.

7. Через красную бумагу на него падает свет свечи. – Ему снится гроза, буря, и он снова находится на корабле, на котором однажды уже попал в морской шторм в проливе Ла-Манш.

Другие попытки экспериментальным путем вызывать сновидения принадлежат д'Эрве (d'Hervey, 1867, 268269 и 376377), Вейгандту (Weygandt, 1893) и другим. Многими отмечалась «удивительная способность сновидения вплетать в свои сюжеты неожиданные впечатления из мира чувств таким образом, что они создают в них постепенно подготовляемую катастрофу» (Hildebrandt, 1875 [36]). «В молодые годы, – рассказывает этот автор, – я иногда пользовался будильником, чтобы регулярно вставать в определенное время. Очень часто со мной бывало так, что звук этого инструмента включался во вроде бы очень продолжительное сновидение таким образом, будто весь этот сон подлаживался только под него и находил в нем свое собственное логически неизбежное завершение, то есть достигал своей естественной конечной цели» (ibid., 37).

Три таких сна, связанных с будильником, я буду еще рассматривать в другом контексте.

Фолькельт (Volkelt, 1875, 108109) рассказывает: «Одному композитору однажды снилось, что он дает урок в школе и что-то объясняет ученикам. Он уже закончил свои объяснения и обращается к одному из мальчиков с вопросом: “Ты меня понял?” Тот кричит как одержимый: “Ог ja!” (“О да!”) Негодуя из-за этого, он велит ему замолчать. Но уже весь класс кричит: “Ог ja!” Потом: “Еурjo!” И наконец: “Feuerjo!” (“Пожар!”) Он просыпается от крика “Пожар!” на улице».

Гарнье (Garnier, 1872), согласно Радештоку, сообщает, что Наполеон однажды проснулся от взрыва адской машины. Заснув в карете, он видел сон, в котором еще раз переживал переход через Тальяменто и канонаду австрийцев, пока испуганно не вскочил с возгласом: «Мы заминированы!»

Большую известность получило сновидение, пережитое Маури (Maury 1878, 161). Он болел и лежал в кровати в своей комнате, рядом сидела его мать. Ему снился террор во времена революции; он присутствовал при страшных сценах убийствах и в конце концов сам предстал перед трибуналом. Там он увидел Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвиля и всех остальных печальных героев той страшной эпохи, отвечал на их вопросы и после разного рода инцидентов, которые не зафиксировались в его памяти, был осужден и в сопровождении огромной толпы отправился на место казни. Он входит на эшафот, палач привязывает его к доске, она опрокидывается, нож гильотины падает, он чувствует, как голова отделяется от туловища, пробуждается в неопишемом ужасе – и обнаруживает, что валик дивана, на котором он спал, откинулся назад, и край дивана касается его шейного позвонка, словно нож гильотины.

С этим сновидением связана интересная дискуссия, затеянная Ле Лореном (Le Lorrain, 1894) и Эггером (Egger, 1895) в «Revue philosophique» по поводу того, может ли сновидец, и если да, то каким образом, втиснуть в такое короткое время, которое протекает между восприятием раздражителя и пробуждением, столь богатый материал сновидения.

Примеры подобного рода позволяют считать, что из всех источников сновидений объективные чувственные раздражения во время сна можно установить наиболее определенно. Кроме того, согласно представлениям неспециалистов, только они играют определенную роль. Если спросить образованного человека, незнакомого с литературой о сновидениях, как возникают сны, то он, несомненно, ответит указанием на какой-нибудь известный ему случай, в котором сновидение объяснялось объективным чувственным раздражением, обнаруженным при пробуждении. Однако научное исследование на этом остановиться не может; повод к дальнейшим вопросам оно черпает из наблюдения, что раздражитель, действующий во время сна на органы чувств, проявляется в сновидении не в своем действительном виде, а заменяется каким-либо другим представлением, находящимся с ним в каком-либо отношении. Однако

отношение, связывающее источник сновидения с тем, что получилось во сне, по словам Маури, является «une affinité quelconque, mais qui n'est pas unique et exclusive»¹⁶ (Maury, 1853, 72). Если, например, взять три сновидения, связанные с будильником, который привел Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 37–38), то встает вопрос, почему один и тот же раздражитель вызывает столь разные сновидения и именно эти, а не другие:

«Итак, я гуляю ранним весенним утром и бреду по зеленеющим полям до соседней деревни; там я вижу ее жителей в праздничных одеждах, с молитвенниками в руках идущих в церковь. Все верно! Сегодня воскресенье, и скоро начнется утренняя служба. Я решаю принять в ней участие, но из-за того, что мне очень жарко, я хочу немного освежиться на кладбище возле церкви. Читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и вижу на ней небольшой деревенский колокол, который возвестит о начале богослужения. Еще какое-то время он висит неподвижно, потом он начинает раскачиваться, и слышится звон, причем удары колокола настолько громки и пронзительны, что они прерывают мой сон. Но на самом деле эти звуки исходят от моего будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; улица покрыта снегом. Я обещал вместе с другими проехаться на санях, но приходится долго ждать, пока мне докладывают, что сани стоят возле ворот. Теперь начинаются приготовления к поездке – я надеваю шубу, достаю мешок для ног и наконец сажусь на свое место. Но отъезд по-прежнему откладывается, пока наконец натянутые вожжи не дают явный знак ждущим с нетерпением рысакам. Бубенчики начинают издавать свою всем хорошо знакомую музыку, которая, однако, раздается с такой силой, что мгновенно разрывает паутину сна. Опять-таки это не что иное, как резкий звон будильника».

«Третий пример. Я вижу, как кухарка по коридору идет в столовую с целой грудой тарелок. Я опасаюсь, что фарфоровая колонна в ее руках потеряет равновесие. “Осторожней, – предостерегаю я ее, – сейчас все упадет на пол”. На это, разумеется, следует возражение: это уже дело привычное и т. д. Но я по-прежнему озабоченным взглядом слежу за ней. И действительно, на пороге двери она спотыкается – посуда со звоном падает и разбивается вдребезги. Но дребезжание продолжается слишком долго и почему-то переходит в продолжительный звон, и этот звон, как обнаруживается при пробуждении, издавал будильник».

На вопрос, почему душа в сновидении искажает природу объективного чувственного раздражения, пытались ответить Штрюмпель (Strümpell, 1877) и Вундт (Wundt, 1874). Они считают, что при наличии таких вторгающихся во сне раздражителей она находится в условиях формирования иллюзий. Чувственное впечатление нами *распознается и правильно интерпретируется*, то есть относится к группе воспоминаний, к которой оно принадлежит в соответствии со всем предшествующим опытом, если впечатление является сильным, ярким, достаточно устойчивым и если мы располагаем необходимым временем для его осмысления. Если эти условия не выполняются, то мы искажаем объект, от которого исходит впечатление; на его основе мы выстраиваем иллюзию. «Когда кто-нибудь гуляет по широкому полю и не совсем отчетливо видит вдали какой-то предмет, может случиться так, что сначала он примет его за лошадь». Немного приблизившись, он может подумать, что это лежащая корова, и, наконец, подойдя еще ближе, четко увидит, что это группа сидящих людей. Столь же неопределенны и впечатления, получаемые душой во сне от внешних раздражителей; на их основе она образует иллюзии, пробуждая благодаря впечатлению большее или меньшее число образов воспоминаний, благодаря которым впечатление получает свою психическую ценность. Из каких воспринимаемых областей памяти вызываются соответствующие образы и какие из ассоциативных отношений вступают при этом в силу – это, по мнению Штрюмпеля, установить невозможно и зависит, так сказать, от произвола душевной жизни.

¹⁶ «Неким сходством, которое, однако, не является единственным и исключительным» (фр.). – Прим. пер.

Мы оказываемся здесь перед выбором. Мы можем согласиться, что закономерность в образовании сновидений действительно невозможно проследить далее, и вместе с тем должны будем отказаться от вопроса, не подлежит ли толкование иллюзии, вызванной чувственным впечатлением, еще и другим условиям. Или мы можем предположить, что объективное чувственное раздражение, вторгающееся во сне, играет в качестве источника сновидений лишь скромную роль и что подбор образов воспоминаний, вызывающих пробуждение, обуславливают другие моменты. И действительно, если проанализировать экспериментально вызванные сновидения Маури, которые с этой целью я и привел здесь столь подробно, то появится искушение заявить, что произведенный опыт, собственно говоря, разъясняет происхождение лишь одного элемента сновидения. Все остальное его содержание кажется скорее слишком самостоятельным, слишком индивидуально обусловленным, чтобы его можно было объяснить заявлением, что оно должно соотноситься с экспериментально введенным элементом. Более того, начинаешь сомневаться даже в теории иллюзии и в способности объективного впечатления создавать сновидение, когда узнаешь, что это впечатление иногда подвергается в сновидении самому причудливому и странному истолкованию. Так, например, Симон (Simon, 1888) рассказывает об одном сновидении, в котором он видел сидевших за столом великанов и отчетливо слышал страшный стук, производимый их челюстями при жевании. Проснувшись, он услышал стук копыт лошади под его окнами. Если здесь шум лошадиных копыт вызвал представления, связанные с воспоминаниями о «Путешествиях Гулливера», пребывании у великанов Бродбиднягов и у добродетельных похожих на лошадей существ, – как, например, я мог бы это истолковать безо всякой поддержки со стороны автора, – то неужели выбору столь необычайных для этого раздражителя воспоминаний не содействовали, кроме того, и другие мотивы?¹⁷

2) Внутреннее (субъективное) раздражение органов чувств

Вопреки всем возражениям необходимо признать, что роль объективного возбуждения органов чувств во время сна как источников сновидений является очевидной, и если эти раздражители по своей природе и частоте, возможно, кажутся недостаточными для того, чтобы объяснить все образы сновидения, то, следовательно, нужно искать другие, но аналогично им действующие источники сновидений. Я не знаю, у кого впервые возникла мысль наряду с внешними чувственными раздражениями учитывать также внутреннее (субъективное) возбуждение органов чувств; однако является фактом, что это в той или иной степени явно делается во всех последних исследованиях этиологии сновидений. «Существенную роль, – утверждает Вундт (Wundt, 1874, 657), – в иллюзиях сновидений играют субъективные зрительные и слуховые ощущения, знакомые нам в бодрствующем состоянии в виде светового хаоса в темном поле зрения, шума и звона в ушах и т. д., а среди них особенно субъективные возбуждения сетчатой оболочки. Этим и объясняется удивительная склонность сновидения словно силой волшебства вызывать перед взглядом спящего многочисленные сходные или полностью соответствующие объекты. Мы видим перед собой бесчисленных птиц, бабочек, рыб, пестрые камни, цветы и т. п. При этом световая пыль темного поля зрения принимает фантастические формы, а многочисленные световые точки, из которых она состоит, воплощаются сновидением в столь же многочисленные отдельные образы, которые вследствие подвижности светового хаоса воспринимаются как движущиеся предметы. Этим, пожалуй, объясняется также явная склонность

¹⁷ Дополнение, сделанное в 1911 году: Образ великанов во сне позволяет предположить, что речь здесь идет о некой сцене из детства сновидца. Дополнение, сделанное в 1925 году: Впрочем, приведенная выше интерпретация как реминисценция из «Путешествий Гулливера» является хорошим примером того, каким не должно быть толкование. Толкователь сновидений должен не играть своим умом, а опираться на мысли сновидца.

сновидения к самым разнообразным образам животных, богатство форм которых легко сочетается с особой формой субъективных световых образов»».

Как источник образов сновидений субъективное возбуждение органов чувств имеет, очевидно, то преимущество, что в отличие от объективного возбуждения оно не зависит от внешних случайностей. Ими, так сказать, всякий раз, когда это понадобится, можно воспользоваться для объяснения. Но они уступают объективным чувственным раздражениям в том отношении, что их роль в качестве возбудителей сновидений почти или совсем невозможно подтвердить с помощью наблюдения и эксперимента. Основным доказательством способности субъективных чувственных раздражений вызывать сновидения служат гипнагогические галлюцинации, которые Иоганнес Мюллер (1826) описывал как «фантастические зрительные явления». Это зачастую очень яркие, изменчивые образы, регулярно возникающие у многих людей при засыпании и какое-то время сохраняющиеся после открытия глаз. Маури, который в значительной степени был им подвержен, обращал на них особое внимание и говорил об их связи, скорее даже об их идентичности, с образами сновидений (как, впрочем, еще до него Иоганнес Мюллер [ibid., 4950]). Для их возникновения, – говорит Маури, – необходима известная душевная пассивность, ослабление внимания (Maury, 1878, 5960). Достаточно, однако, на секунду впасть в такую летаргию, чтобы при определенном предрасположении увидеть гипнагогическую галлюцинацию, после которой человек, возможно, вновь просыпается, пока наконец такая много раз повторяющаяся игра не завершается наступлением сна. Если затем через короткое время пробуждаешься, то, согласно Маури, часто удастся проследить в сновидении те же образы, которые до наступления сна возникали в виде гипнагогических галлюцинаций (ibid., 134135). Так, например, Маури однажды приснился ряд причудливых фигур с искаженными лицами и странными прическами, которые с невероятной назойливостью докучали ему в период засыпания и о которых он помнил после пробуждения. В другой раз, когда он испытывал чувство голода, поскольку находился на строгой диете, у него возник гипнагогический образ блюда и вооруженной вилкой руки, бравшей с блюда какую-то пищу. Во сне же он сидел за богато убранном столом и слышал шум, который производили принимавшие пищу люди своими вилками и ножами. В другой раз, когда у него были воспалены и болели глаза, во время засыпания у него возникла гипнагогическая галлюцинация: он видел микроскопически маленькие знаки, которые с большими усилиями пытался разобрать; проснувшись через час, он вспомнил о сновидении, где ему приснилась раскрытая книга, напечатанная очень мелким шрифтом, которую он с трудом старался прочесть.

Точно так же, как эти образы, гипнагогически могут появляться и слуховые галлюцинации различных слов, имен и т. д. и затем повторяться в сновидении, словно увертюра, возвещающая лейтмотив начинающейся оперы.

По тому же пути, что Иоганнес Мюллер и Маури, идет и современный исследователь гипнагогических галлюцинаций Дж. Трамбелл Лэдд (Ladd, 1892). Путем упражнений он добился того, что через две-три минуты после постепенного засыпания мог моментально выйти из сна, не открывая глаз, и благодаря этому имел возможность сравнивать исчезающие ощущения на сетчатке с сохраняющимися в памяти образами сновидения. Он утверждает, что между тем и другим всегда можно установить следующую тесную связь: светящиеся точки и линии, порождаемые самой сетчаткой, представляют своего рода контуры, схему для психически воспринимаемых образов сновидения. Например, одному сновидению, где он ясно видел перед собой печатные строки, которые он читал и изучал, соответствовало расположение светящихся точек на сетчатке в виде параллельных линий. Скажем его словами: четко напечатанная страница, которую он читал в сновидении, соответствовала объекту, казавшемуся его бодрствующему восприятию частью реального печатного листка, который рассматривают через небольшое отверстие в куске бумаги со слишком большого расстояния, чтобы можно было что-то отчетливо различить. Лэдд полагает, не умаляя, впрочем, значения центрального (церебраль-

ного) компонента феномена, что едва ли во сне у нас возникают зрительные образы, которые бы не опирались на материал внутреннего состояния возбуждения сетчатки. Особенно это относится к сновидениям, возникающим вскоре после засыпания в темной комнате, тогда как для сновидений, снявшихся ближе к утру, и для пробуждения источником раздражения служит попадающий в глаза объективный свет в освещенной комнате. Бесконечно изменчивый характер внутреннего зрительного возбуждения в точности соответствует веренице образов, проходящих перед нами в сновидении. Если придать значение наблюдениям Лэдда, придется признать важную роль этого субъективного источника раздражения в возникновении сновидения, поскольку зрительные образы, как известно, являются главной составляющей наших снов. Вклад других органов чувств, в том числе слуха, менее значителен и непостоянен.

3) Внутреннее (органическое) телесное раздражение

Если мы собираемся искать источники сновидений не вне, а внутри организма, то должны вспомнить о том, что почти все наши внутренние органы, в здоровом состоянии почти никак не дающие о себе знать, в состоянии раздражения – назовем его так – или во время болезни становятся источниками, как правило, неприятных для нас ощущений, которые следует приравнять к возбудителям болевых ощущений, получаемых извне. Существуют очень давние сведения, которые заставляют, например, Штрюмпеля утверждать (Strümpell, 1877, 107): «Душа достигает во сне гораздо более глубокого и широкого сознания своей телесности, нежели в бодрствовании, и вынуждена воспринимать и допускать воздействия определенных раздражений, проистекающих от различных частей и изменений ее тела, о которых в бодрствовании она ничего не знала». Еще Аристотель считал вполне вероятным, что сновидение обращает внимание человека на начинающееся заболевание, которого он совершенно не замечает в бодрствовании (благодаря усилению впечатлений во сне), а представители медицины, воззрения которых, разумеется, далеки от веры в пророческий дар сновидения, по меньшей мере допускали возможность того, что сновидение способно известить о болезни (ср. Simon, 1888, 31, и работы многих предшествующих авторов)¹⁸.

У греков был оракулы сновидений, к которым обычно обращались желавшие выздороветь больные. Больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там его подвергали различным церемониям, купали, натирали, окуривали и, приведя таким образом в состояние экзальтации, укладывали в храме на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал и видел во сне целебные средства. Они являлись ему в естественном виде или в символах и образах, которые затем истолковывали ему жрецы. Подробнее о целительных сновидениях у греков см. у Леманна (Lehmann, 1908, Bd. 1, 74), Буше-Леклерка (Bouché-Leclercq 1879/1882), Херманна (Hermann, 1858, § 41, 262 etc., и 1882, § 38, 356), Бёттингера (Böttinger, 1795, 163 etc.), Ллойда (Lloyd, 1877), Дёллингера (Döllinger, 1857, 130).

Недостатка в достоверных примерах такой диагностической деятельности сновидений нет и в наше время. Так, например, Тисье (Tissié, 1898) со слов Артига (Artigues, 1884) рассказывает историю одной 43-летней женщины. В течение нескольких лет, несмотря на кажущееся полное здоровье, ее преследовали страшные сны, а затем при врачебном обследовании у нее выявилась начинающаяся болезнь сердца, от которой она вскоре умерла.

Очевидно, выраженные нарушения внутренних органов у целого ряда лиц служат возбудителями сновидений. Многие указывают на частые кошмары у больных, страдающих сердечными и легочными заболеваниями. Более того, эта сторона жизни сновидений настолько подробно описана многими авторами, что я могу ограничиться здесь лишь указанием на литературу (Radestock, 1879), Spitta (1882), Maury (1878), M. Simon (1888), Tissié (1898). Тисье

¹⁸ Дополнение, сделанное в 1914 году: Помимо такого использования сновидений в диагностических целях (например, у Гиппократов нужно вспомнить об их терапевтическом значении в древности).

полагает даже, что больные органы накладывают свой характерный отпечаток на содержание сновидений. Обычно сновидения сердечных больных очень короткие и оканчиваются пробуждением в страхе; почти всегда определенную роль в их содержании играет тема мучительной смерти. Легочным больным снятся удушье, давка, бегство, и очень часто они видят известный кошмарный сон, который, кстати, вызывал у себя экспериментальным путем Бернер (Börner, 1855), кладя себе на лицо подушку, закрывая дыхательные отверстия и т. п. При расстройствах пищеварения в сновидении содержатся представления, связанные с наслаждением и отвращением. Влияние сексуального возбуждения на содержание сновидений достаточно понятно каждому по его собственному опыту, и это служит важнейшим подтверждением всей теории вызывания снов посредством органических раздражителей.

Если проработать литературу о сновидениях, становится также совершенно очевидным, что отдельные авторы (Maury, 1878; Weygandt, 1893) стали заниматься проблемами сновидений, обратив внимание на влияние собственных болезненных состояний на содержание своих снов.

Впрочем, число источников сновидений, полученных на основе бесспорно установленных фактов, возросло не настолько существенно, как это может показаться на первый взгляд. Ведь сновидение – это феномен, возникающий у здоровых людей (наверное, у всех и, наверное, каждую ночь), и органическое заболевание отнюдь не относится к его необходимым условиям. Для нас речь идет не о том, откуда берутся особые сновидения, а о том, что может быть источником раздражения в случае обычных сновидений нормальных людей.

Между тем нам нужно сделать лишь еще один шаг, чтобы натолкнуться на источник сновидений, который значительно обильнее всех предыдущих и поистине неиссякаем. Если установлено, что внутренние органы в болезненном состоянии становятся источниками сновидений, и если мы признаем, что в состоянии сна душа, отрешившись от внешнего мира, может уделить больше внимания внутренним органам, то невольно напрашивается предположение, что органам не нужно заболеть, чтобы передать спящей душе возбуждения, которые так или иначе становятся образами сновидения. То, что в бодрствовании мы смутно воспринимаем как общее самочувствие лишь по его качеству, в которое, по мнению врачей, вносят свой вклад все системы органов, усилившись во время ночного сна и сочетаясь с другими своими отдельными компонентами, становится мощнейшим и вместе с тем самым обычным источником представлений, возникающих в сновидении. В таком случае остается только исследовать, по каким правилам органические раздражения превращаются в подобные представления.

Мы здесь затронули ту теорию возникновения сновидений, которая пользуется наибольшей популярностью среди ученых-медиков. Мрак, которым окутано ядро нашей личности, «*moi splannique*», как называет это Тисье (Tissié, 1898), и загадочность возникновения сновидения настолько друг другу соответствуют, что нельзя не провести между ними связь. Ход мыслей, превращающий вегетативное органическое ощущение в образы сновидения, имеет для врача еще и другое значение: он позволяет также в этиологическом отношении объединить сновидение и душевное расстройство, обнаруживающие так много сходства в своих проявлениях, ибо изменения общего самочувствия и раздражения, исходящие от внутренних органов, играют важнейшую роль в возникновении психозов. Поэтому не следует удивляться, если теорию физических раздражителей не удастся свести к одному автору, который бы ее самостоятельно разработал.

Ряд авторов придерживались идей, высказанных в 1851 году философом Шопенгауэром. Образ мира возникает у нас благодаря тому, что наш интеллект переводит впечатления, получаемые извне, в формы времени, пространства и каузальности. Раздражения, поступающие изнутри организма, от симпатической нервной системы, оказывают днем в лучшем случае бессознательное влияние на наше настроение. Ночью же, когда заглушающее воздействие дневных впечатлений прекращается, впечатления, исходящие изнутри, получают возможность

привлечь к себе внимание – подобно тому, как ночью мы слышим журчание ручейка, которое заглушалось дневным шумом. Как же иначе может реагировать интеллект на эти раздражения, кроме как исполняя присущую ему функцию? То есть он облекает их во временные и пространственные формы, неразрывно связанные с каузальностью, и в результате возникает сновидение (ср. Schopenhauer, 1862, Bd. 1, 249 etc.). В более тесную взаимосвязь физических раздражений и образов сновидений пытались проникнуть Шернер (Scherner, 1861) и за ним Фолькельт (Volkelt, 1875) – оценку их представлений мы дадим в разделе, посвященном теориям сновидений.

В одном особенно последовательно проведенном исследовании психиатр Краус [Krauß, 1859, 255] вывел возникновение сновидений, равно как делириев¹⁹ и бредовых идей, из одного и того же элемента, то есть *органически обусловленного ощущения*. Нельзя представить себе такой части организма, которая не могла бы стать исходным пунктом сновидения или бредового представления. Органически обусловленные ощущения «можно разделить на два ряда: 1) на общие настроения (общие чувства) и 2) на специфические ощущения, присущие главным системам вегетативного организма, в которых мы выделили пять групп: а) мышечные ощущения, б) пневматические, в) гастрические, г) сексуальные и д) периферические».

Процесс возникновения сновидений на основе телесных раздражений Краус описывает следующим образом: ощущение по какому-либо закону ассоциации вызывает родственное ему представление и вместе с ним объединяется в некую органическую структуру, по отношению к которой, однако, сознание ведет себя не так, как обычно. На само ощущение оно не обращает никакого внимания, а ориентируется целиком на сопутствующее представление, и именно по этой причине данный факт так долго не замечали (ibid., 233234). Краус обозначает этот процесс особым термином – *транссубстанциацией* ощущений в образы сновидения (ibid., 246).

Влияние органических телесных раздражений на образование сновидений признается сегодня чуть ли не всеми, но на вопрос о закономерностях связи между ними отвечают совершенно по-разному, часто приводя туманные объяснения. Если взять за основу теорию телесных раздражений, то при толковании сновидений появляется особого рода задача – сводить содержание сновидения к вызывающим его органическим раздражителям. И если не признавать правил толкования, которые были сформулированы Шернером (Scherner, 1861), то часто приходится сталкиваться с тем неприятным фактом, что органический источник раздражения выдает себя не иначе, как через содержание сновидения.

Однако довольно сходным образом толковались разные по своей форме сновидения, которые называют «типичными», потому что у многих людей они очень близки по содержанию. Это известные сновидения о падении с высоты, о выпадении зубов, о полете и о смущении из-за своей наготы или плохой одежды. Последнее сновидение, по-видимому, объясняется восприятием во сне того, что спящий человек сбросил с себя одеяло и лежит голым. Сновидение о выпадении зубов объясняется раздражением полости рта, под которым, однако, не следует понимать болезненное состояние возбуждения десен. Сновидение о полете, согласно Штрюмпелю (Strümpell, 1877), является адекватным представлением, которым пользуется душа, чтобы истолковать сумму раздражений, исходящих от расширяющихся и спадающих легких, если при этом кожные ощущения от грудной клетки снизились настолько, что уже не воспринимаются сознанием. Это последнее обстоятельство передает ощущение, связанное с формой представления о парении. Поводом для сновидений о падении с высоты, видимо, является то, что при наступившем ослаблении тактильного чувства либо свешивается рука, либо вдруг выпрямляется согнутое колено; благодаря этому тактильные ощущения начинают снова осознаваться, но переход к сознанию психически осуществляется в сновидении о падении (ibid., 118). Слабость этих, казалось бы, убедительных попыток объяснения, очевидно,

¹⁹ Видимо, «галлюцинаций». – Прим. пер.

заключается в том, что здесь без каких-либо на то оснований отбрасывается или, наоборот, привлекается та или иная группа органических ощущений, пока наконец не достигается констелляция, благоприятная для толкования. Впрочем, в дальнейшем у меня еще будет возможность вернуться к типичным сновидениям и их возникновению.

Сравнив между собой ряд сходных сновидений, М. Симон попытался вывести некоторые закономерности влияния органических раздражителей на содержание сновидений. Он утверждает (Simon, 1888, 34): «Когда во сне какой-либо орган, обычно участвующий в выражении аффекта, по какой-то другой причине находится в состоянии возбуждения, в которое он, как правило, повергается при таком аффекте, то возникающее при этом сновидение будет содержать представления, соответствующие аффекту».

Другое правило гласит (ibid., 35): «Если какой-либо орган находится во сне в состоянии деятельности, возбуждения или расстройства, то сновидение будет содержать представления, относящиеся к осуществлению органической функции, которая присуща данному органу».

Маурли Вольд (Vold, 1896) попытался экспериментально доказать влияние, постулируемое в теории физических раздражителей, на образование сновидений для отдельной области. Он изменял положение конечностей спящего человека и сравнивал содержания сновидения с этими изменениями. В качестве результата он приводит следующие выводы.

1. Положение конечности в сновидении в целом соответствует ее положению в действительности, то есть человеку снится статическое состояние членов тела, соответствующее реальному.

2. Если человек видит во сне движение конечности, то оно всегда таково, что одно из положений, возникающих при его исполнении, соответствует действительному.

3. Положение собственных конечностей может приписываться в сновидении постороннему человеку.

4. Может также сниться, что данное движение затруднено.

5. Член тела в данном положении может предстать в сновидении в виде животного или чудовища, при этом между ними возникает определенная аналогия.

6. Положение конечности может вызвать в сновидении мысли, имеющие к ней какое-либо отношение. Так, например, при движении пальцев снится счет.

Из таких результатов я бы сделал вывод, что и теория физических раздражителей не может полностью исключить мнимой свободы в формировании образов сновидения.

4) Психические источники раздражения

Когда мы обсуждали отношение сновидения к жизни в бодрствовании и происхождение материала сновидений, мы узнали, что, по мнению как самых древних, так и самых современных исследователей, людям снится то, что они делали днем и что их интересует в бодрствовании. Этот интерес, присущий жизни в бодрствовании и сохраняющийся во сне, не только представляет собой психическую связь, соединяющую сновидение с жизнью, но и служит для нас немаловажным источником сновидений, который, наряду с тем, что стало интересным во сне, — раздражителями, воздействующими во время сна, — должен объяснить происхождение всех образов сновидения. Мы слышали, однако, и возражения против вышеприведенного утверждения, то есть что сновидение отвлекает спящего от интересов дня и что нам, как правило, снятся вещи, больше всего занимавшие нас днем лишь тогда, когда они уже потеряли свою актуальность для бодрствующей жизни. Поэтому при анализе сновидений у нас на каждом шагу возникает впечатление, что недопустимо устанавливать общие правила, не вводя ограничений с помощью таких слов, как «часто», «обычно», «в большинстве случаев», и не предупреждая о возможных исключениях.

Если бы дневных интересов, наряду с внутренними и внешними раздражителями во сне, было достаточно для объяснения этиологии сновидений, то мы бы могли дать удовлетворительный отчет о происхождении всех элементов сновидения; загадка источников сновидения была бы разрешена, и оставалось бы только разграничить роль психических и соматических раздражителей в отдельных сновидениях. В действительности же такое полное разъяснение сновидения ни в одном случае еще не удавалось, и у каждого, кто пытался это сделать, оставались – как правило, в большом количестве – составные части сновидения, о происхождении которых он сказать ничего не мог. По-видимому, дневные интересы как психический источник сновидений не играют такой важной роли, как следовало бы ожидать после категорических утверждений, будто каждый продолжает заниматься в сновидении своим делом.

Другие психические источники сновидений неизвестны. Поэтому все отстаиваемые в литературе объяснения сновидений – за исключением разве что теории Шернера, о которой будет говориться, – имеют большие пробелы там, где речь идет о выведении наиболее характерного для сновидения материала из образов представлений. В этом отношении большинство авторов склонны максимально принижать роль психики – к которой так трудно подступиться – в образовании сновидений. Классифицируя сновидения и выделяя *сны, обусловленные нервным раздражением*, и *ассоциативные сновидения*, из которых последние имеют свой источник исключительно в репродукции (уже пережитого материала) (Wundt, 1874), они все же не могут избавиться от сомнений в том, могут ли «они возникать без стимулирующего телесного раздражения» (Volkelt, 1875). Характеристика чисто ассоциативного сновидения также оказывается несостоятельной: «В собственно ассоциативных сновидениях уже не может быть речи о таком прочном (возникшем на основе соматического раздражения) ядре. Здесь свободное группирование проникает также и в центр сновидения. Жизнь представлений, и без того уже независимая от разума и рассудка, уже не поддерживается здесь теми полновесными телесными и психическими возбуждениями и, таким образом, отдается на откуп своих собственных разнообразных побуждений и стимулов, своего собственного разброда и шатания» (ibid., 118). Преуменьшить значение психического компонента в образовании сновидений пытается также Вундт (Wundt, 1874), утверждая, что «фантазмы сновидения, пожалуй, неправомерно рассматриваются как чистые галлюцинации. Вероятно, большинство представлений в сновидениях на самом деле являются иллюзиями, поскольку они исходят от слабых чувственных впечатлений, никогда не угасающих во сне». Вейгандт (Weygandt, 1893) присоединился к этим воззрениям и обобщил их. Относительно всех представлений в сновидении он утверждает, что «их непосредственной причиной являются чувственные раздражения, и только потом присоединяются репродуктивные ассоциации». Еще дальше в отгеснении на задний план психических источников раздражения заходит Тисье (Tissié, 1898): «*Les rêves d'origine absolument psychique n'existent pas*»²⁰, и в другом месте (ibid., 6): «*Les pensées de nos rêves nous viennent du dehors*»²¹.

Те авторы, которые, подобно авторитетному философу Вундту, занимают промежуточную позицию, не упускают случая заметить, что в большинстве сновидений действуют соматические раздражители и неизвестные или известные в качестве дневных интересов психические возбудители сновидения.

Впоследствии мы узнаем, что загадку образования сновидений можно разрешить благодаря открытию неожиданного психического источника раздражения. Пока же не будем удивляться переоценке роли раздражителей, не относящихся к душевной жизни, в образовании сновидений. Это происходит не только потому, что их легко обнаружить и даже подтвердить при помощи эксперимента; соматическая точка зрения на возникновение сновидений вполне

²⁰ Сновидений, которые происходят только из психики, не существует (фр.). – Прим. пер.

²¹ Образы наших снов приходят к нам извне (фр.). – Прим. пер.

отвечает идеям, преобладающим сегодня в психиатрии. Хотя господство мозга над организмом и подчеркивается самым категорическим образом, тем не менее все, что может указать на независимость душевной жизни от доказуемых органических изменений или на спонтанность ее проявлений, сегодня пугает психиатров так, будто признание этого вернет нас во времена натурфилософии и метафизических представлений о сущности души. Недоверие психиатров словно взяло психику под опеку и требует, чтобы ни одно из ее побуждений не считалось проявлением ее собственных способностей. Это, однако, свидетельствует исключительно о незначительной вере в прочность цепочки каузальных связей, протянувшейся между телесным и психическим. Даже там, где психическое в ходе исследования выступает в качестве первичной причины явления, более глубокое изучение когда-нибудь сумеет найти дальнейший путь, ведущий к органическим первоосновам душевной жизни. Но там, где психическое на уровне наших нынешних знаний означает конечный пункт, его отрицать не нужно.

Г. Почему сновидение забывается при пробуждении?

То, что сновидение к утру «улетучивается», всем известно. Правда, его можно припомнить. Ведь мы знаем сновидение только из воспоминания о нем после пробуждения; но нам очень часто кажется, что мы помним его лишь урывками, тогда как ночью знали о нем больше; мы можем наблюдать, как воспоминание о сновидении, с утра еще живое, в течение дня исчезает до небольших фрагментов; мы часто знаем, что нам снился сон, но не знаем, что снилось, и мы так привыкли к тому, что сновидение подвержено забыванию, что не отбрасываем как абсурдную возможность того, что человеку могло ночью что-нибудь сниться, а утром он не знает ничего ни о его содержании, ни о том, что ему вообще что-то снилось. С другой стороны, нередко бывает, что сновидения чрезвычайно долго сохраняются в памяти. У своих пациентов я анализировал сновидения, приснившиеся им двадцать пять и более лет назад, и сам могу вспомнить одно свое сновидение, которое видел по меньшей мере тридцать семь лет назад и которое до сих пор не утратило в моей памяти своей свежести. Все это кажется очень странным и на первых порах непонятным.

О забывании сновидений наиболее подробно пишет Штрюмпель (Strümpell, 1877). Это забывание представляет собой, по-видимому, сложное явление, поскольку Штрюмпель сводит его к не одной, а к целому ряду причин.

Прежде всего забывание сновидений объясняется всеми теми причинами, которые вызывают забывание в бодрствующей жизни. В бодрствовании мы обычно забываем многие ощущения и восприятия либо потому, что они были слишком слабыми, либо потому, что они имели слишком незначительную связь с соответствующим психическим возбуждением. Это же относится и ко многим образам сновидения; они забываются потому, что были слишком слабыми, тогда как более яркие образы при приближении к ним вспоминаются. Впрочем, сам по себе момент интенсивности решающей роли для сохранения в памяти образов сновидения не играет. Штрюмпель (Strümpell, 1877), как и другие авторы (Calkins, 1893), признает, что человек нередко вскоре забывает образы сновидения, о которых известно, что они были очень яркими, тогда как среди сохранившихся в памяти имеется много призрачных, неотчетливых образов. Далее, в бодрствовании обычно легко забывается то, что произошло всего один раз, и, наоборот, запоминается то, что воспринималось не раз. Большинство сновидений представляют собой однократные переживания²²; эта особенность в равной мере способствует забыванию всех сновидений. Гораздо более важной является третья причина забывания. Чтобы ощущения, представления, мысли и т. п. отложились в памяти, необходимо, чтобы они не оставались разобщенными, а соответствующим образом вступали в связи и ассоциа-

²² Не раз отмечалось, что существуют периодически повторяющиеся сновидения; см. сборник Шабане (Chabaneix, 1897).

ции. Если небольшой стих разбить на слова и перемешать их друг с другом, то запомнить их будет очень сложно. «Упорядоченная и логически связанная последовательность помогает вспомнить слова, одно за другим, и вся осмысленная фраза удерживается в памяти легко и долго. Абсурдное обычно мы запоминаем так же трудно и так же редко, как беспорядочное и бессвязное» (Strümpell, 1877). Сновидения же в большинстве случаев лишены осмысленности и порядка. Композиции сновидения не имеют возможности запоминаться и забываются, потому что, как правило, распадаются уже в следующие моменты времени. Однако с этими рассуждениями не совсем согласуется то, что было отмечено Радештоком (Radestock 1879). Он утверждает, что мы запоминаем лучше всего самые странные сновидения.

Еще более важными для забывания сновидений Штрюмпелю (Strümpell, 1877) представляются другие моменты, вытекающие из отношений сновидения и жизни в бодрствовании. Забывание сновидения бодрствующим сознанием, по-видимому, представляет собой лишь эквивалент ранее упомянутому факту (*ibid.*, 47), что сновидение (почти) никогда не заимствует упорядоченные воспоминания из бодрствующей жизни, а берет из нее детали, вырывающиеся из ее обычных психических связей, в которых они вспоминаются в бодрствовании. Тем самым композиция сновидения не имеет места среди психических рядов, которыми наполнена душа. Она лишена всех вспомогательных средств запоминания. «Таким образом, структура сновидения словно отрывается от земли – от нашей душевной жизни, – парит в психическом пространстве, точно облако на небе, которое может быстро развеять новый порыв ветра» (*ibid.*, 87). В этом же направлении действует и то обстоятельство, что осязаемый мир, вторгающийся при пробуждении, тотчас овладевает вниманием с такой силой, которую могут выдержать лишь немногие образы сновидения. Они исчезают под впечатлениями от наступающего дня, словно сверкание звезд перед сиянием солнца.

И наконец, забыванию сновидений содействует еще и тот факт, что большинство людей вообще проявляют незначительный интерес к своим сновидениям. Кто, например, будучи исследователем, какое-то время интересуется сновидениями, тот в этот период и чаще видит сны, точнее, чаще и легче их запоминает.

Две другие причины забывания сновидений, которые Бонателли (Bonatelli, 1880; по Benini, 1898) добавляет к причинам, перечисленным Штрюмпелем, пожалуй, уже в них содержатся, а именно: 1) изменение общего чувства между сном и бодрствованием является неблагоприятным для взаимной репродукции и 2) иное расположение представлений в сновидении делает его, так сказать, неперевожимым для бодрствующего сознания.

При наличии всех этих причин забывания становится поистине удивительным, как отмечает сам Штрюмпель (Strümpell, 1877), что так много сновидений все же сохраняется в памяти. Непрерывающиеся попытки авторов найти общие закономерности припоминания сновидений равносильны признанию того, что и здесь тоже что-то остается загадочным и неразрешенным. Совсем недавно были вполне обоснованно выделены отдельные особенности припоминания сновидений, например, что сновидение, которое утром человек считает забытым, в течение дня может всплыть в памяти благодаря какому-либо восприятию, случайно соприкоснувшись с – все же забытым – содержанием сновидения (Radestock, 1879, Tissié, 1898). Воспоминание о сновидении подлежит, однако, ограничению, существенно снижающему его ценность для критического рассмотрения. Можно усомниться, не искажает ли наша память, опускающая так много в сновидении, то, что она сохранила.

Эти сомнения в точности репродукции сновидения высказывает также Штрюмпель (Strümpell, 1877): «В таком случае вполне возможно, что бодрствующее сознание произвольно что-то добавляет в воспоминание о сновидении: человек воображает, что ему снилось то, чего данное сновидение не содержало».

Особенно категорически высказывается Йессен (Jessen, 1855, 547): «Кроме того, однако, при исследовании и толковании связанных и последовательных сновидений необходимо особо

принимать во внимание то, пожалуй мало учитывавшееся до сих пор обстоятельство, что с истиной почти всегда дело не ладится, ибо мы, вызывая в памяти приснившийся сон, сами того не замечая и не желая, заполняем и дополняем пробелы в образах сновидения. Редко связное сновидение бывает настолько связным и, возможно, вообще никогда таким не бывает, как это нам кажется в воспоминании. Даже самый правдивый человек едва ли способен рассказать приснившийся сон без каких-либо добавлений и прикрас: стремление человеческого разума видеть все во взаимосвязи настолько велико, что, вспоминая в известной степени бессвязное сновидение, он невольно восполняет недостаток связности».

Чуть ли не переводом этих слов Йессена звучат следующие замечания В. Эггера (Egger, 1895), несомненно все же сделанные им самим: «...l'observation des rêves a ses difficultés spéciales et le seul moyen d'éviter toute erreur en pareille matière est de confier au papier sans le moindre retard ce que l'on vient d'éprouver et de remarquer; sinon, l'oubli vient vite ou total ou partiel; l'oubli total est sans gravité; mais l'oubli partiel est perfide; car si l'on se met ensuite à raconter ce que l'on n'a pas oublié, on est exposé à compléter par imagination les fragments incohérents et disjoints fournis par la mémoire...; on devient artiste à son insu, et le récit périodiquement répété s'impose à la créance de son auteur, qui, de bonne foi, le présente comme un fait authentique, dûment établi selon les bonnes méthodes...»²³

Такого же мнения придерживается Шпитта (Spitta, 1882), который, по-видимому, предполагает, что уже при попытке воспроизвести сновидение мы привносим порядок в плохо связанные между собой элементы сновидения – «приводим элементы, существующие *рядом друг с другом*, в отношения последовательности и обусловленности, то есть добавляем процесс логического соединения, отсутствующий в сновидении».

Поскольку у нас нет никакого другого контроля над правдивостью наших воспоминаний кроме объективного, а в сновидении, которое является нашим собственным переживанием и для которого мы знаем лишь один источник познания – воспоминания, он невозможен, то какова же тогда ценность нашего воспоминания о сновидении?

Д. Психологические особенности сновидения

При научном рассмотрении сновидений мы исходим из предположения, что сновидение является результатом нашей собственной психической деятельности. И все-таки готовое сновидение кажется нам чем-то чужим, в авторстве которого нам настолько мало хочется признаваться, что мы так же охотно говорим «Мне приснилось», как и «Я видел сон». Откуда берется эта «психическая чуждость» сновидения? После обсуждения нами источников сновидений мы, видимо, должны полагать, что она не обусловлена материалом, который попадает в содержание сновидения; он большей частью является общим для жизни в сновидении и в бодрствовании. Можно задаться вопросом, не вызывается ли это впечатление изменения психических процессов в сновидении, и попытаться дать психологическую характеристику сновидения.

Никто так категорически не подчеркивал принципиального различия между жизнью во сне и в бодрствовании и не делал таких далеко идущих выводов, как Г. Т. Фехнер в своей книге «Элементы психофизики» (Fechner, 1889, т. 2). Он считает, что «ни простого снижения сознательной душевной жизни», ни отвлечения внимания от влияний внешнего мира не достаточно для того, чтобы объяснить отличия жизни во сне от жизни в бодрствовании. Ско-

²³ ...Наблюдение за сновидениями имеет свои особые трудности, и единственный способ избежать ошибок в этой области – записывать содержание сновидения тотчас после пробуждения. В противном случае наступает забвение – либо полное, либо частичное. Полное забвение особой ценности не представляет, а частичное забвение коварно, ибо то, что не было забыто, мы, принимаясь впоследствии рассказывать, дополняем воображением, соединяя привнесенные фрагменты с сохранившимися бессвязными и отрывочными воспоминаниями. Рассказчик, сам того не сознавая, становится артистом. Он искренне верит в правдивость своего не раз повторяемого повествования и преподносит его как подлинный факт, полученный с помощью хорошего метода... (фр.). – Прим. пер.

рее он полагает, что и *место действия сновидений является совершенно иным, чем место действия представлений, возникающих в бодрствовании*. «Если бы место действия психофизической деятельности во время сна и в бодрствовании было одним и тем же, то сновидение, на мой взгляд, могло бы быть просто продолжением – на более низком уровне интенсивности – представлений, имеющих в бодрствующей жизни, и должно было бы иметь с ними общее содержание и форму. Но дело обстоит совершенно иначе».

Что понимал Фехнер под таким перемещением психической деятельности, так и осталось неясным; и, насколько мне известно, никто не пошел тем путем, на который он указал своим замечанием. Анатомическое толкование в смысле физиологической локализации в мозгу или даже с точки зрения гистологических слоев коры головного мозга, наверное, исключается. Но быть может, когда-нибудь его мысль окажется плодотворной, если отнести ее к психическому аппарату, состоящему из нескольких встроенных одна в другую инстанций.

Другие авторы довольствовались тем, что выделяли ту или иную конкретную психологическую особенность сновидения и делали ее исходным пунктом последующих попыток объяснения.

Было справедливо отмечено, что одна из главных особенностей жизни сновидения проявляется уже в состоянии засыпания, и ее можно охарактеризовать как феномен, предваряющий сон. Согласно Шляйермахеру (Schleiermacher, 1862), наиболее характерным для состояния бодрствования является то, что мыслительная деятельность осуществляется в *понятиях*, а не в *образах*. Сновидение же мыслит преимущественно образами, и можно наблюдать, что вместе с приближением ко сну, по мере того как затрудняется произвольная деятельность, возникают *непроизвольные представления*, все без исключения относящиеся к разряду образов. Неспособность к такой мыслительной работе, которую мы воспринимаем как намеренную и произвольную, и постоянно связанное с этим *распыление* появления образов – вот две характеристики сновидения, которые при его психологическом анализе мы должны признать важнейшими особенностями жизни во сне. Относительно образов – гипнагогических галлюцинаций – мы уже знаем, что даже по содержанию они идентичны образам сновидения²⁴.

Следовательно, сновидение мыслит преимущественно зрительными образами – но не только. Оно оперирует также слуховыми образами и в меньшей степени впечатлениями, получаемыми от других органов чувств. Многое и в сновидении попросту мыслится или представляется (вероятно, также замещается остатками словесных представлений) точно так же, как в бодрствовании. И все же для сновидения характерны лишь те содержательные элементы, которые ведут себя как образы, то есть которые больше похожи на восприятия, чем на представления памяти. Оставив в стороне все хорошо известные психиатру дискуссии о сущности галлюцинаций, мы вместе со всеми компетентными авторами можем сказать, что сновидение *галлюцинирует*, что оно замещает мысли галлюцинациями. В этом отношении не существует никакого различия между визуальными и акустическими представлениями. Было замечено, что воспоминание о последовательности звуков, под которые человек засыпает, при погружении в сон превращается в галлюцинацию той же мелодии, а при пробуждении, которое может опять сменяться дремотой, вновь уступает место более слабому и качественно иному представлению в памяти.

Превращение представления в галлюцинацию является не единственным отличием сновидения от соответствующих ему мыслей в бодрствовании. Из этих образов сновидение создает ситуацию, оно представляет нечто как существующее в данный момент, оно *драматизирует* мысль, как выражается Шпитта (Spitta, 1882). Однако характеристика этой стороны

²⁴ Дополнение, сделанное в 1911 году: Г. Зильберер (Silberer, 1909) показал на прекрасных примерах, как в состоянии сна даже абстрактные мысли превращаются в наглядно-пластичные образы, выражающие то же самое. Дополнение, сделанное в 1925 году: Я вернусь к этим данным в другой связи.

жизни в сновидении будет полной только тогда, когда мы добавим, что в сновидениях – как правило, а исключения нуждаются в особом объяснении – человек не мыслит, а переживает, то есть полностью верит в галлюцинации. Критические сомнения, что, в сущности, ничего не переживалось, а просто мыслилось в своеобразной форме, то есть снилось, возникают только при пробуждении. Эта особенность отличает настоящее сновидение от дневных грез, которые человек никогда не спутает с реальностью.

Бурдах обобщил вышеупомянутые особенности жизни во сне следующим образом (Burdach, 1838): «К важнейшим характеристикам сновидения относятся: а) то, что субъективная деятельность нашей души представляется объективной, поскольку продукты фантазии воспринимаются так, словно они проистекают от органов чувств... б) сон устраняет произвольность. Поэтому сну присуща известная пассивность... Образы сновидения обуславливаются уменьшением произвольности».

Речь здесь идет о попытке выяснить причины веры души в галлюцинации сновидения, которые могут проявиться лишь после прекращения произвольной деятельности. Штрюмпель (Strümpell, 1877) утверждает, что душа при этом ведет себя корректно и сообразно своим механизмам. Элементы сновидения – это отнюдь не простые представления, а *истинные и реальные переживания души*, подобные тем, что возникают в бодрствовании через посредство органов чувств (ibid., 34). Если в бодрствовании душа мыслит и представляет словесными образами и с помощью речи, то в сновидении она мыслит и представляет реальными образами ощущений (ibid., 35). Кроме того, в сновидении добавляется сознание пространства, поскольку, как в бодрствовании, ощущения и образы переносятся во внешнее пространство (ibid., 36). Следовательно, нужно признать, что в сновидении душа занимает ту же позицию по отношению к своим образам и восприятиям, как и в бодрствовании (ibid., 43). Если при этом она все-таки заблуждается, то это объясняется тем, что в состоянии сна у нее нет критерия, единственно способного различить чувственные восприятия, полученные извне и изнутри. Она не может подвергнуть свои образы проверке, которая может выявить их объективную реальность. *Кроме того*, она пренебрегает различием между *произвольно* заменяемыми образами и другими, где такая произвольность отсутствует. Она заблуждается, потому что не может применить закон каузальности к содержанию своего сновидения (ibid., 5051). Словом, ее отход от внешнего мира содержит в себе также причину ее веры в субъективный мир сновидений.

К таким же выводам из несколько иных психологических представлений приходит Дельбёф (Delboeuf, 1885). Мы верим в реальность образов сновидений, потому что во сне у нас нет других впечатлений для сравнения, ибо мы оторваны от внешнего мира. Но в истинность наших галлюцинаций мы верим не потому, что во сне мы лишены возможности проводить испытания. Сновидение может мистифицировать перед нами все эти испытания, например показывать нам, что мы дотрагиваемся до увиденной розы, и при этом она нам всего лишь снится. Согласно Дельбёфу, не имеется надежного критерия того, является ли нечто сновидением или живой действительностью, кроме – и это только в практическом обобщении – факта пробуждения. Я называю иллюзией все, что было пережито между засыпанием и пробуждением, если при пробуждении обнаруживаю, что лежу раздетым в своей постели. Во время сна я считал образы сновидения настоящими по причине неусыпной *привычки мышления* предполагать наличие внешнего мира, противоположностью которого выступает мое «Я»²⁵.

²⁵ Попытку, аналогичную попытке Дельбёфа, объяснить деятельность сновидения через изменение, которое должно быть последствием отклоняющегося от нормы условия в правильном функционировании сохранного психического аппарата, предпринял Хаффнер (Haffner, 1887, 243), но он описывает это условие несколько иными словами. По его мнению, первым признаком сновидения является отсутствие пространства и времени, то есть эмансипация представления от присущего индивиду места в пространственной и временной протяженности. С этим связана вторая характерная черта сновидения – смешение галлюцинаций, продуктов воображения и фантазий с внешними восприятиями. «Поскольку совокупность высших душевных сил, в частности образование понятий, суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободное самоопределение – с другой, присоединяются к чувственным образам фантазии и всегда берут их за свою основу, то и эта деятельность имеет отношение к

Если, таким образом, оторванность от внешнего мира является моментом, определяющим наиболее яркие особенности сновидения, то, пожалуй, имеет смысл привести в связи с этим некоторые остроумные замечания Бурдаха, проясняющие отношения спящей души с внешним миром и способные удержать от переоценки вышеупомянутых выводов. «Сон происходит лишь при том условии, – утверждает Бурдах, – что душа не возбуждается чувственными раздражителями... но речь идет не столько о недостатке чувственных раздражений, сколько о недостатке интереса к ним²⁶; некоторые чувственные впечатления даже необходимы, поскольку они служат успокоению души. Мельник, например, засыпает только тогда, когда слышит стук жернова, а тот, кто из предосторожности считает нужным зажечь ночник, не может заснуть в темноте» (Burdach, 1838).

«Душа изолируется во сне от внешнего мира, отходит от периферии... Однако связь не прерывается полностью; если бы человек слышал и чувствовал не во сне, а только после пробуждения, то разбудить его вообще было бы невозможно... Еще убедительнее наличие ощущений доказывается тем, что спящий человек пробуждается иногда ото сна не только из-за чувственной силы впечатления, но и по причине психической связи последнего; безразличное слово не пробуждает спящего, но если его назвать по имени, то он просыпается... Следовательно, душа различает во сне чувственные ощущения... Поэтому человека может разбудить и отсутствие чувственного раздражения, если оно связано с представлением о важной вещи; так, например, кто-то может проснуться при выключении ночника, мельник – от остановки мельницы, то есть от прекращения чувственной деятельности, а это заставляет предположить, что она воспринималась, но так как эта деятельность безразлична или, скорее даже, приносит удовлетворение, она не тревожит душу» (ibid., 485486).

Если даже нам захочется закрыть глаза на эти немаловажные возражения, то мы все же должны будем согласиться, что все вышеупомянутые особенности жизни сновидений, происходящие из ее оторванности от внешнего мира, не способны полностью объяснить ее своеобразие. Ибо в противном случае можно было бы обратно превращать галлюцинации сновидения в представления, а ситуации в сновидении – в мысли и тем самым разрешить проблему толкования сновидений. Именно так мы и поступаем, когда после пробуждения воспроизводим в памяти сновидение, но каким бы удачным ни был такой обратный перевод, сновидение целиком сохраняет свою загадочность.

Все авторы также не задумываясь считают, что с материалом представлений, относящимся к бодрствующей жизни, в сновидении происходят и другие, еще более глубокие изменения. Одно из них пытается выделить Штрюмпель, рассуждая следующим образом (Strümpell, 1877, 2728): «Вместе с прекращением деятельности органов чувств и обычного осознания жизни душа утрачивает также и почву, в которой коренятся ее чувства, желания, интересы и действия. Даже те духовные состояния, чувства, интересы и оценки, которые в бодрствовании присоединяются к образам памяти, подвергаются... затемнению, из-за чего нарушается их связь с образами; образы восприятия вещей, людей, мест, событий и поступков в бодрствующей

беспорядочности представлений в сновидениях. Мы говорим, что она имеет отношение, ибо сама по себе наша сила суждения, равно как и наша сила воли, во сне несколько не изменяется. Судя по этой деятельности, мы столь же сообразительны и столь же свободны, как в состоянии бодрствования. Также и в сновидении человек не может нарушать законы мышления, то есть считать идентичным то, что представляется ему противоположным и т. д. Он и в сновидении может желать только того, что он представляет себе как благо (*sub rationis boni*). Но при таком использовании законов мышления и воли человеческий дух вводится в заблуждение в сновидении из-за смешения одного представления с другим. В результате этого мы допускаем и совершаем в сновидении величайшие противоречия, хотя, с другой стороны, мы формируем самые пронизательные суждения, делаем самые последовательные умозаключения и можем принимать самые добродетельные и благочестивые решения. Недостаток ориентировки – вот тайна полета нашей фантазии в сновидении, а недостаток критической рефлексии, равно как и взаимопонимания с другими людьми, является главным источником безмерных экстравагантностей наших суждений, а также наших надежд и желаний, проявляющихся в сновидении».

²⁶ Дополнение, сделанное в 1914 году: Ср. в этой связи работу «Désintéret», в которой Клапаред (Claparède, 1905) описывает механизм засыпания.

щей жизни по отдельности воспроизводятся в большом количестве, но ни один из них не приносит с собой свою *психическую ценность*. Последняя отделена от них, и поэтому они ищут в душе собственные средства...»

Это лишение образов их психической ценности, которое, в свою очередь, объясняется отрывом от внешнего мира, является, по мнению Штрюмпеля, главной причиной того впечатления чуждости, с которым в нашем воспоминании сновидение противопоставляется жизни.

Мы слышали, что уже засыпание приносит с собой отказ от одной из форм душевной деятельности, а именно от произвольного руководства течением представлений. Напрашивается и без того уже очевидное предположение, что состояние сна может распространяться и за рамки психических функций. Та или иная из этих функций не устраняется полностью; теперь встает вопрос: продолжают ли оставшиеся функции работать без нарушений и могут ли при таких обстоятельствах они вообще нормально работать. Есть точка зрения, согласно которой особенности сновидения можно объяснить снижением психической деятельности в состоянии сна; но такому воззрению противостоит впечатление, производимое сновидением на наше суждение в бодрствовании. Сновидение бессвязно, оно беспрепятственно соединяет самые резкие противоречия, допускает всякие невозможности, устраняет наши знания, влияющие на нас днем, притупляет наши этические и моральные чувства. Если бы кто-нибудь стал вести себя в бодрствовании так, как ведет себя в некоторых ситуациях в сновидении, то того, наверное, мы назвали бы сумасшедшим; кто в бодрствовании стал бы так говорить или рассказывать о таких вещах, как это было в содержании сновидения, тот произвел бы на нас впечатление ненормального или слабоумного человека. Поэтому, на наш взгляд, мы верно определим положение вещей только в таком случае, если психическую деятельность в сновидении будем считать лишь весьма незначительной, а высшую интеллектуальную работу в сновидении – невозможной или по меньшей мере серьезно нарушенной.

С необычайным единодушием – об исключениях речь пойдет в другом месте – авторы высказывали эти суждения о сновидении, которые непосредственно ведут к определенной теории или к объяснению жизни во сне. Остается дополнить мое только что высказанное резюме подборкой изречений различных авторов – философов и врачей – о психологических особенностях сновидения.

По мнению Лемуана (Lemoine, 1855), *бессвязность* образов является единственно важной характеристикой сновидения.

Маури соглашается с Лемуаном; он говорит (Maury, 1878): «Il n'y a pas de rêves absolument raisonnables et qui ne contiennent quelque incohérence, quelque anachronisme, quelque absurdité»²⁷.

Гегель, по словам Шпитты, говорил об отсутствии у сновидения какой бы то ни было объективной понятной связности.

Дюга утверждает: «Le rêve, c'est l'anarchie psychique, affective et mentale, c'est le jeu des fonctions livrées à elles-mêmes et s'exerçant sans contrôle et sans but; dans le rêve l'esprit est un automate spirituel»²⁸.

Об «ослаблении внутренней связи и смешении представлений, связанных в бодрствовании логической силой центрального “я”», говорит даже Фолькельт (Volkelt, 1875, 14), согласно учению которого, психическая деятельность во время сна отнюдь не кажется бесцельной.

Абсурдность связей между представлениями, имеющих в сновидении, едва ли можно подвергнуть более резкой оценке, чем это сделал Цицерон (De divinatione, II): «Nihil tarn praepostere, tarn incondite, tarn monstruose cogitari potest, quod non possimus somniare»²⁹.

²⁷ Абсолютно рациональных сновидений не существует. Им всегда присущи некоторая бессвязность, абсурдность, анахронизм (фр.). – Прим. пер.

²⁸ Сновидение – это анархия психическая, эмоциональная и умственная. Это игра функций, предоставленных самим себе, происходящая бесконтрольно и бесцельно. Дух в сновидении – это своего рода одухотворенный автомат (фр.). – Прим. пер.

²⁹ Нет ничего столь нелепого, столь беспорядочного, столь чудовищного, что не могло бы нам присниться (лат.). – Прим.

Фехнер говорит (Fechner, 1889, Bd. 2): «Как будто психическая деятельность из мозга разумного человека переносится в мозг глупца».

Радешток (Radestock, 1879): «На самом деле кажется невозможным в этом хаосе выявить четкие законы. Уклоняясь от строгого полицейского надзора со стороны разумной воли, руководящей течением представлений в бодрствовании, и внимания, сновидение, словно в калейдоскопе, смешивает все в своей безумной игре».

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875): «Какие удивительные скачки позволяет себе спящий человек, например, в своих умозаклечениях! С какой непринужденностью он ставит буквально на голову самые известные эмпирические положения! С какими нелепыми противоречиями в устройстве природы и общества он может мириться, пока наконец, как говорится, не зайдет чересчур далеко, и чрезмерное напряжение, исходящее от бессмыслицы, не вызовет его пробуждения! Иногда мы совершенно спокойно перемножаем: трижды три будет двадцать; нас нисколько не удивляет, что собака рассказывает стихотворение, что покойник сам ложится в гроб, что кусок скалы плывет по морю; мы всерьез принимаем на себя ответственные поручения от герцогства Бернбург или княжества Лихтенштейн наблюдать за военно-морским флотом страны или же поступаем на службу к Карлу XII незадолго до сражения под Полтавой».

Бинц (Binz, 1878) указывает на вытекающую из этих впечатлений теорию сновидений: «Из десяти сновидений по меньшей мере девять абсурдны. Мы соединяем в них людей и вещи, не имеющие между собой абсолютно ничего общего. Уже в следующее мгновение, словно в калейдоскопе, группировка становится иной, быть может, еще более бессмысленной и нелепой, чем была раньше; и, таким образом, изменчивая игра не совсем спящего мозга продолжается, пока мы не пробуждаемся, не щиплем себя за ухо и не задаемся вопросом, действительно ли мы по-прежнему обладаем способностью разумно представлять и мыслить».

Маури (Maury, 1878) находит для описания отношения образов сновидения к мыслям в бодрствовании очень интересное для врача сравнение: «La production de ces images que chez l'homme éveillé fait le plus souvent naître la volonté, correspond, pour l'intelligence, à ce que sont pour la motilité certains mouvements que nous offrent la chorée et les affections paralytiques...»³⁰ В остальном сновидение представляется ему «toute une série de dégradations de la faculté pensante et résonante»³¹ (ibid., 27).

Едва ли необходимо приводить высказывания авторов, повторяющих тезис Маури относительно отдельных форм высшей психической деятельности.

Согласно Штрюмпелю, в сновидении – разумеется, также и там, где бессмыслица в глаза не бросается – отступают на задний план все логические операции души, основывающиеся на взаимосвязях и отношениях (Strümpell, 1877). По мнению Шпитты (Spitta, 1882), представления в сновидении, по-видимому, абсолютно не подчиняются закону причинности. Радешток (Radestock, 1879) и другие подчеркивают свойственную сновидениям слабость суждения и умозаклечения. По мнению Йодля (Jodl, 1896), в сновидении нет критики, нет коррекции перцептивного ряда посредством содержаний сознания. Этот же автор утверждает: «Все формы деятельности сознания присутствуют в сновидении, но в неполном, заторможенном, изолированном виде». Противоречия, в которые включается сновидение вопреки нашим знаниям в бодрствовании, Штрикер (вместе со многими другими) объясняет тем, что в сновидении забываются факты или теряются логические отношения между представлениями (Stricker, 1879), и т. д. и т. п.

пер.

³⁰ Создание этих образов, которые у бодрствующего человека чаще всего побуждаются силой воли, соответствует для мышления тому, чем для двигательной способности являются некоторые движения, возникающие при хорее и параличе (фр.). – Прим. пер.

³¹ ...последовательной деградацией способности мыслить и рассуждать (фр.). – Прим. пер.

Авторы, которые в целом столь неблагоприятно отзываються о психической деятельности в сновидении, тем не менее признают, что некоторый остаток душевной деятельности у сновидения сохраняется. Вундт, теории которого стали очень важными для многих других исследователей проблемы сновидений, признает это безоговорочно. Можно задать вопрос о форме и характере проявляющегося в сновидении остатка нормальной душевной деятельности. Почти все соглашаются с тем, что, по всей видимости, меньше всего в сновидении страдает способность к воспроизведению, память; более того, она обнаруживает даже некоторое превосходство по сравнению с этой же функцией в бодрствовании, хотя абсурдность сновидения отчасти объясняется забывчивостью, присущей именно жизни во сне. По мнению Шпитты, эмоциональная жизнь души, настроение, не затрагивается во сне, и затем именно она управляет сновидением. Под «настроением» он понимает «константное объединение чувств в качестве сокровенной субъективной сущности человека» (Spitta, 1882).

Шольц (Scholz, 1887) усматривает одну из проявляющихся в сновидении форм душевной деятельности в «*аллегоризирующем преобразовании*», которому подвергается материал сновидения. Зибек констатирует наличие в сновидении «дополняющей толковательной способности» души (Siebeck, 1877), которая используется ею в отношении всего, что было увидено и воспринято. Особую трудность представляет оценка так называемой высшей психической функции в сновидении, то есть функции сознания. Поскольку о сновидении мы хоть что-либо знаем лишь благодаря сознанию, не может быть никакого сомнения, что во время сна оно сохраняется; тем не менее Шпитта считает (Spitta, 1882), что в сновидении сохраняется только сознание, но не *самосознание*. Дельбёф (Delboeuf, 1885) признается, что такого различия понять он не может.

Законы ассоциации, по которым соединяются представления, относятся также и к образам сновидения; более того, их господство проявляется в сновидении более четко и ясно. Штрюмпель (Strümpell, 1877): «Сновидение, по-видимому, протекает по законам либо исключительно чистых представлений, либо органических раздражений, вызывающих такие представления, то есть без рефлексии и разума, эстетического вкуса и моральной оценки». Авторы, взгляды которых я здесь привожу, представляют себе образование сновидений примерно так: сумма чувственных раздражений, действующих во сне и проистекающих из различных источников, рассматривавшихся в другом месте, вызывает в душе прежде всего множество впечатлений, предстающих в виде галлюцинаций (по Вундту – в виде иллюзий, поскольку они происходят от внешних и внутренних раздражителей). Эти галлюцинации соединяются друг с другом по известным законам ассоциации и, в свою очередь, пробуждают, по тем же законам, новый ряд представлений (образов). Весь материал затем перерабатывается, насколько это возможно, благодаря сохранившимся остаткам душевной способности упорядочивания и мышления (см., например, работы Вундта (Wundt, 1874) и Вейгандта (Weygandt, 1893). Просто до сих пор пока еще не удалось выяснить мотивы, которые позволили бы понять, почему образы, не имеющие причины вовне, возникают по тому или по другому закону ассоциации.

Вместе с тем не раз отмечалось, что ассоциации, соединяющие друг с другом представления в сновидении, имеют совершенно особый характер и отличаются от ассоциаций, действующих в бодрствующем мышлении. Так, например, Фолькельт (Volkelt, 1875) утверждает: «В сновидении представления соединяются друг с другом по случайному сходству и практически неуловимой внутренней связи. Все сновидения пронизаны такими шаткими, непрочными ассоциациями». Маури придает наибольшее значение этой особенности соединения представлений, позволяющей ему показать аналогию жизни во сне с некоторыми психическими устройствами. Он выделяет две главные особенности «*délire*»: 1) *une action spontanée et comme automatique de l'esprit*; 2) *une association vicieuse et irrégulière des idées*³² (Maury, 1878). Сам

³² «бреда»: 1) спонтанное, словно автоматическое действие духа; 2) извращенная, беспорядочная ассоциация идей (*фр.*). –

Маури приводит два превосходных примера сновидений, в которых простое созвучие слов способствует соединению представлений. Однажды ему приснилось, что он совершил паломничество (*pélerinage*) в Иерусалим или Мекку, а затем после многих приключений оказался у химика Пеллетье (*Pelletier*), который после разговора дал ему цинковую лопату (*pelle*), и в последующем фрагменте сновидения она превратилась в огромный меч (*ibid.*, 137). В другой раз он шел во сне по тракту и по придорожным столбам отсчитывал километры; после этого он оказался у бакалейщика, у которого были большие весы. Какой-то человек клал на чашу весов килограммы, отвешивая Маури товар; затем бакалейщик сказал ему: «Вы не в Париже, а на острове *Гилоло*». За этим последовали разные образы: он увидел цветы лобелии, потом генерала *Лопеса*, о смерти которого недавно читал, и, наконец, перед самым пробуждением ему снилось, что он играл в лото (*ibid.* [126])³³.

Но пожалуй, мы не можем оставить без внимания то, что такое принижение психической деятельности сновидения не осталось без возражений с другой стороны. Хотя, казалось бы, возражать здесь сложно. Нельзя, впрочем, и придавать большого значения словам одного из авторов, принижающих душевную жизнь в сновидении (*Spitta*, 1882), утверждающего, что во сне царят те же психологические законы, что и в бодрствовании, или словам другого исследователя (*Dugas*, 1897a), который пишет: «*Le rêve n'est pas déraison, ni même irraison pure*»³⁴. Тот и другой не делают даже усилий соотнести такую оценку с описанной ими же самими психической анархией и ослаблением всех функций во сне. Но другие, по-видимому, считали возможным, что в безумии сновидения есть все же свой метод, быть может, только притворство, как у принца Датского, к безумию которого относится приведенное здесь пронизательное суждение. Эти авторы, видимо, не решились судить по внешнему виду, или тот внешний вид, в котором представало перед ними сновидение, был другим.

Так, например, Хэвлок Эллис (*Ellis*, 1899) определяет сновидение, не желая останавливаться на его кажущейся абсурдности, как «*an archaic world of vast emotions and imperfect thoughts*»³⁵, изучение которого способно помочь нам понять примитивные фазы развития психической жизни.

Дж. Салли (*Sully*, 1893) отстаивает такую же точку зрения на сновидение³⁶ в еще более категоричной и более убедительной форме. Его суждения заслуживают тем большего внимания, если мы будем иметь в виду, что он, как, пожалуй, ни один другой психолог, был убежден в скрытой осмысленности сновидения. «*Now our dreams are a means of conserving these successive personalities. When asleep we go back to the old ways of looking at things and of feeling about them, to impulses and activities – which long ago dominated us*»³⁷.

Такой мыслитель, как Дельбёф, утверждает – правда, не приводя доказательств, опровергающих другой материал, и поэтому, в сущности, несправедливо: «*Dans le sommeil, hormis la perception, toutes les facultés de l'esprit, intelligence, imagination, mémoire, volonté, moralité, restent intactes dans leur essence; seulement, elles s'appliquent à des objets imaginaires et mobiles. Le songeur est un acteur qui joue à volonté les fous et les sages, les bourreaux, et les victimes, les nains et les géants, les démons, et les anges*»³⁸ (*Delboeuf*, 1885). Энергичнее всего оспаривает

Прим. пер.

³³ Дополнение, сделанное в 1909 году: Позднее нам станет понятным смысл таких сновидений, в которых содержатся слова с одинаковыми начальными буквами и сходные по звучанию.

³⁴ Сновидение – это и не схождение с ума и не отсутствие ума в чистом виде (*фр.*). – Прим. пер.

³⁵ Архаичный мир безграничных эмоций и несовершенных мыслей (*англ.*). – Прим. пер.

³⁶ Этот абзац был добавлен в 1914 году.

³⁷ Наши сновидения являются средством сохранения этих последовательных личностей. Засыпая, мы возвращаемся к старым способам смотреть на вещи и размышлять о них, к импульсам и действиям, которые когда-то давно у нас преобладали (*англ.*). – Прим. пер.

³⁸ Во сне все свойства психики, кроме восприятия: мышление, воображение, память, воля, мораль в сущности остаются неприкосновенными, разве что они касаются вымышленных и непостоянных вещей. Сновидец – это актер, который по жела-

принижение психической деятельности в сновидении маркиз д'Эрве (d'Hervey, 1867), с которым бурно полемизировал Маури и сочинение которого я, несмотря на все усилия, не сумел раздобыть³⁹. Маури говорит о нем (Maury, 1878): «M. le Marquis d'Hervey prête à l'intelligence, durant le sommeil, toute sa liberté d'action et d'attention et il ne semble faire consister le sommeil que dans l'occlusion des sens, dans leur fermeture au monde extérieur: en sorte que l'homme qui dort ne se distingue guère selon sa manière de voir, de l'homme qui laisse vaguer sa pensée en se bouchant les sens; toute la différence qui sépare alors la pensée ordinaire du celle du dormeur c'est que, chez celui-ci, l'idée prend une forme visible, objective et ressemble à s'y méprendre, à la sensation déterminée par les objets extérieurs; le souvenir revêt l'apparence du fait présent»⁴⁰.

Однако Маури добавляет: «Qu'il y a une différence de plus et capitale à savoir que les facultés intellectuelles de l'homme endormi n'offrent pas l'équilibre qu'elles gardent chez l'homme éveillé»⁴¹.

У Вашида (Vaschide, 1911)⁴², который наилучшим образом знакомит нас с книгой д'Эрве, мы обнаруживаем, что этот автор о кажущейся бессвязности сновидений высказывается следующим образом⁴³: «L'image du rêve est la copie de l'idée. Le principal est l'idée; la vision n'est qu'accessoire. Ceci établi, il faut savoir suivre la marche des idées, il faut savoir analyser le tissu des rêves; l'incohérence devient alors compréhensible, les conceptions les plus fantasques deviennent des faits simples et parfaitement logiques»⁴⁴. И далее: «Les rêves les plus bizarres trouvent même une explication des plus logiques quand on sait les analyser»⁴⁵.

Й. Штерке (Stärcke, 1913) обратил внимание на то, что такой же взгляд на бессвязность сновидений в 1799 году отстаивал один старый автор – Вольф Давидсон, который мне был неизвестен: «Странные скачки наших представлений в сновидении имеют свое объяснение в законе ассоциаций, но только это соединение иногда осуществляется в душе незаметно, и в результате нам часто кажется, будто мы наблюдаем скачок представлений там, где его нет».

Шкала оценки сновидения как психического продукта имеет в литературе большую протяженность; она простирается от глубочайшего пренебрежения, с проявлением которого мы уже познакомились, до предчувствия не раскрытой пока еще его ценности и переоценки, ставящей сновидение значительно выше душевной деятельности в бодрствовании. Хильдебрандт, который, как мы знаем, дает психологическую характеристику жизни во сне в трех антиномиях, в третьем из этих противоречий обобщает конечные пункты этого ряда так (Hildebrandt, 1875): «Это находится между *повышением, потенцированием*, нередко доходящим до *виртуозности*, и, с другой стороны, значительным *снижением и ослаблением* душевной жизни, часто оказывающейся ниже уровня человеческого».

«Что касается первого, то кто не знает по собственному опыту, что в творчестве гения сна проявляются иногда глубина и искренность чувства, тонкость ощущения, ясность мысли, меткость наблюдения, находчивость, остроумие – все, что по скромности нашей мы не при-

нию играет роли сумасшедших и мудрецов, палачей и жертв, карликов и великанов, демонов и ангелов (фр.). – Прим. пер.

³⁹ Принадлежащий знаменитому синологу труд был опубликован анонимно.

⁴⁰ Маркиз д'Эрве приписывает мышлению во время сна всю свободу действия и внимания и, очевидно, считает, что сон заключается лишь в выключении чувств и отрешенности от внешнего мира. Следовательно, спящий мало чем отличается от мечтателя, предоставляющего своим мыслям полную свободу, стараясь отключить восприятие. Все отличие обычного мышления от мышления во сне заключается в том, что у сновидца мысль принимает видимую, объективную форму и очень похожа на ощущения, возникшие под влиянием внешних объектов; воспоминание принимает черты реального события (фр.). – Прим. пер.

⁴¹ Имеется еще одно существенное отличие: мыслительные способности спящего человека не отличаются тем равновесием, которое характерно для бодрствующего (фр.). – Прим. пер.

⁴² Этот и следующий абзацы были добавлены в 1914 году.

⁴³ На самом деле это не дословная цитата Эрве де Сен-Дени, а перифраза Вашида. – Прим. пер.

⁴⁴ Образ сновидения является лишь копией идеи. Главное – это идея; видение второстепенно. Установив это, надо уметь следовать за ходом идеи, анализировать ткань сновидения; бессвязность тогда становится понятной, самые фантастические представления становятся простыми и совершенно логичными фактами (фр.). – Прим. пер.

⁴⁵ Самые странные сны находят совершенно логическое объяснение, если их умеют анализировать (фр.). – Прим. пер.

знали бы своим достоянием в бодрствующей жизни? Сновидение обладает чудесной поэзией, меткой аллегорией, несравненным юмором, превосходной иронией. Оно видит мир в своеобразном идеализированном свете и усиливает эффект своих проявлений зачастую в самом тонком понимании их сокровенной сущности. Оно представляет нам земную красоту в истинно небесном блеске, возвышенное – в наивысшем величии, страшное – в самых ужасающих образах, смешное – с неопишным комизмом; и иногда после пробуждения мы настолько исполнены каким-либо из таких впечатлений, что нам кажется, будто реальный мир никогда не давал нам ничего подобного».

Возникает вопрос: действительно ли это один и тот же объект, к которому относятся те пренебрежительные замечания и это воодушевленное восхваление? Неужели одни упустили из виду сновидения абсурдные, а другие – проницательные и проникновенные? Но если бывают и те и другие – сновидения, заслуживающие той и другой оценки, то имеет ли смысл искать психологические характеристики сновидения? Не достаточно ли будет сказать, что в сновидении возможно все – от глубочайшего снижения душевной жизни до ее повышения, необычного для бодрствования? Каким бы удобным ни было такое решение вопроса, ему противостоит предположение, лежащее, по-видимому, в основе стремлений всех этих исследователей сновидений: существует универсальная в своих общих чертах характеристика сновидения, которая должна устранить эти противоречия.

Нельзя отрицать, что психическая деятельность сновидения находила более охотное и теплое признание в тот давно минувший интеллектуальный период, когда умами владела философия, а не точные естественные науки. Изречения, как, например, Шуберта (Schubert, 1814) о том, что сновидение является освобождением духа от власти внешней природы, избавлением души от оков чувственности, и аналогичные суждения младшего Фихте (Fichte, 1864, т. I)⁴⁶ и других, которые в целом описывают сновидение как подъем душевной жизни на более высокую ступень, сегодня нам кажутся едва ли понятными; в настоящее время их повторяют разве что мистики и набожные люди⁴⁷. Проникновение естественно-научного образа мышления сопровождалось реакцией в оценке сновидения. Именно представители медицины скорее других склонны считать психическую деятельность в сновидении малосущественной и не имеющей ценности, тогда как философы и неискушенные наблюдатели – психологи-любители, – мнением которых нельзя пренебрегать именно в этой области, в полном согласии с догадками простых людей, как правило, признавали высокую психическую ценность сновидений. Кто склоняется к низкой оценке психической деятельности во сне, тот, естественно, в этиологии сновидения будет отдавать предпочтение соматическим источникам раздражения; у того, кто считает, что видящая сны душа сохраняет большую часть своих способностей, существующих в бодрствовании, разумеется, не будет никакого мотива не признавать у нее самостоятельных побуждений к сновидению.

Из всех функций, повышение которых при здравом сравнении можно признать за сновидениями, больше всего обращает на себя внимание функция памяти; мы уже подробно обсуждали нередкие проявления, доказывающие это [см. раздел Б]. Другое, часто превозносившееся старыми авторами, преимущество сновидения, а именно, что оно способно не считаться со временем и пространством, легко можно считать иллюзией. Это преимущество, как отмечает Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875), является преимуществом иллюзорным; сновидение точно так же считается со временем и пространством, как и бодрствующее мышление, и именно потому, что оно само является лишь формой мышления. С точки зрения времени сновидение может обладать неким другим преимуществом, в ином смысле быть независимым от тече-

⁴⁶ Ср. работы Хаффнера (Haffner, 1887) и Шпитты (Spitta, 1882).

⁴⁷ *Дополнение, сделанное в 1914 году:* Остроумный мистик Дю Прель, один из немногих авторов, перед которыми я бы хотел извиниться за то, что пренебрег ими в предыдущих изданиях этой книги, утверждает, что не бодрствование, а сновидение является воротами к метафизике, поскольку она касается человека (Du Prel, 1885).

ния времени. Сновидения, подобные приведенному выше сновидению Маури о его казни на гильотине, по-видимому, доказывают, что сновидение способно переработать за очень короткий промежуток времени гораздо больше содержаний восприятия, нежели наша психика в состоянии бодрствования. Тем не менее этот вывод оспаривался с использованием различной аргументации; после появления статей Ле Лорена (Le Lorrain, 1894) и Эггера (Egger, 1895) «о мнимой продолжительности сновидений» по этому поводу развернулась интереснейшая дискуссия, которая, пожалуй, пока еще не внесла полной ясности в этот щекотливый и сложный вопрос⁴⁸.

То, что сновидение способно взять на себя дневную интеллектуальную работу и довести ее до завершения, не достигнутого днем, то, что оно способно разрешать сомнения и проблемы, а у поэтов и композиторов может стать источником нового вдохновения, судя по многочисленным сообщениям и на основании примеров, собранных Шабане (Chabaneix, 1897), не подлежит никакому сомнению. Но если не сам факт, то все же его трактовка вызывает сомнения, касающиеся принципиальных вещей⁴⁹.

Наконец, провозглашаемая пророческая сила сновидения представляет собою объект спора, в котором с трудом преодолимые сомнения сталкиваются с упорно повторяемыми утверждениями. Авторы эти избегают – и, пожалуй, обоснованно – отрицать все факты, относящиеся к этой теме, поскольку, возможно, в ближайшее время найдется естественное психологическое объяснение ряда подобных случаев.

Е. Этические чувства в сновидении

По причинам, которые могут стать понятными только после знакомства с результатами моих собственных исследований сновидений, из темы о психологии сновидения я выделил частную проблему – могут ли, и если да, то в какой мере, моральные диспозиции и ощущения в бодрствовании распространяться на жизнь во сне. То же противоречие в воззрениях авторов, на которое мы вынуждены были обратить внимание при описании других форм психической деятельности, касается нас также и здесь. Одни утверждают, что сновидение не имеет ничего общего с нравственными требованиями, столь же категорично, как и другие, которые говорят, что моральная природа человека остается в сновидении неизменной.

Обращение к повседневному опыту, казалось бы, устраняет всякие сомнения в правильности первого утверждения. Йессен пишет (Jessen, 1855): «Человек во сне не становится ни лучше, ни добродетельнее; скорее похоже на то, что совесть молчит в сновидениях, поскольку человек не испытывает никакого сострадания и с полным безразличием и безо всякого последующего раскаяния может совершать тяжчайшее преступление – кражу, убийство и ограбление».

Радешток (Radestock, 1879): «Необходимо учитывать, что в сновидении возникновение ассоциаций и соединение представлений происходит без наличия рефлексии и разума, эстетического вкуса и нравственного суждения; в лучшем случае суждение является слабым, и преобладает *этическое безразличие*».

Фолькельт (Volkelt, 1875): «Но особенно безудержно, как известно каждому, это проявляется в сновидениях о половых отношениях. Подобно тому, как сам сновидец абсолютно лишается стыдливости и всякого нравственного чувства и суждения, точно такими же видятся ему все остальные, даже самые уважаемые, люди, совершающие поступки, которые в бодрствовании он не решился бы соотнести с ними даже в мыслях».

⁴⁸ Дополнение, сделанное в 1914 году: Дальнейшую литературу и критическое обсуждение этих проблем см. в парижской диссертации Тоболовской (Tobowolska, 1900).

⁴⁹ Дополнение, сделанное в 1914 году: Ср. критику у Х. Эллиса (Ellis, 1911).

Полную противоположность этому составляют суждения Шопенгауэра (Schopenhauer, 1862, т. 1), утверждающего, что каждый человек действует и говорит в сновидении в полном согласии со своим характером. К. Ф. Фишер⁵⁰ считает, что субъективные чувства и устремления или аффекты и страсти проявляются в произвольности сновидений таким образом, что в них отражаются моральные особенности человека.

Хаффнер (Haffner, 1887): «Если не брать в расчет редкие исключения... добродетельный человек останется добродетельным и в сновидении; он будет противостоять искушениям, бороться с ненавистью, завистью, гневом и всеми пороками; греховный же человек и в своих снах, как правило, будет находить образы, которые он имеет перед собой в бодрствовании».

Шольц (Scholz, 1887): «В сновидении содержится истина; несмотря на всю маскировку, в величии или унижении мы всегда узнаем собственное “я”... Честный человек и в сновидении не может совершить бесчестного поступка; если же такое случится, то сам им возмутится как чем-то чуждым его натуре. Римский император, приказавший казнить одного из своих подданных за то, что тому приснилось, будто он отрубил императору голову, был не так уж неправ, когда оправдывался тем, что тот, кто видит подобные сны, должен иметь такие же мысли и в бодрствовании. О том, что не укладывается в нашем уме, мы потому-то и говорим характерным образом: “Мне и во сне это не снилось”».

В противоположность этому Платон полагает, что лучшие люди – это те, кому всего лишь во сне видится то, что другие делают в бодрствовании⁵¹.

Пфафф⁵², перефразируя известную поговорку, говорит: «Расскажи мне свои сны, и я скажу, что у тебя в душе».

В небольшом сочинении Хильдебрандта, из которого я уже заимствовал множество цитат, совершеннейшем по форме и богатейшем мыслями вкладе в изучение проблем сновидения, обнаруженном мною в литературе, на передний план как раз выдвигается проблема нравственности в сновидении. Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875) тоже устанавливает в качестве правила: чем чище жизнь, тем чище сновидение; чем больше грязи в первом, тем больше грязи и во втором.

Нравственная природа человека остается неизменной и в сновидении: «Но если ни одна очевидная арифметическая ошибка, ни одно романтическое отклонение в науке, ни один курьезный анахронизм не ранит нас и даже не кажется нам подозрительным, то различие между добром и злом, между справедливостью и несправедливостью, между добродетелью и пороком никогда не пропадает. Сколько бы из того, что сопровождает нас днем, ни исчезало в часы сна, категорический императив Канта непрерывно следует по пятам за нами, и даже во сне мы не можем от него отрешиться... (Этот факт) можно объяснить только тем, что основа человеческой природы, нравственная сущность, слишком прочна, чтобы участвовать в калейдоскопическом встряхивании, которому фантазия, разум, память и прочие факультеты такого же ранга подвергаются в сновидении» (ibid., 4546).

В ходе дальнейшего обсуждения предмета у обеих групп авторов обнаруживаются удивительные смещения и непоследовательности. Строго говоря, у всех тех, кто считает, что в сновидении нравственная личность человека распадается, интерес к аморальным сновидениям должен был бы пропасть благодаря такому объяснению. Попытку возложить ответственность на сновидца за его сны, из «скверны» сновидений делать вывод о злых умыслах его натуры они могли бы отвергнуть с таким же спокойствием, как и внешне равноценную попытку, исходя из абсурдности его сновидений, доказать никчемность его интеллектуальных достижений в бодрствовании. Другие же, для которых «категорический императив» распространяется также на

⁵⁰ (Fischer, 1850), согласно Шпитте (Spitta, 1882).

⁵¹ Это предложение было добавлено в 1914 году.

⁵² Pfaff, 1868 (по: Spitta, 1882).

сновидения, должны были бы без всяких ограничений возлагать на себя ответственность за аморальные сновидения; им следовало бы лишь пожелать, чтобы их собственные сновидения предосудительного характера не поколебали их уважение собственной нравственности, которого они придерживаются во всем остальном.

И все же кажется, что никто с уверенностью не знает про себя, насколько он хороший или плохой, и никто не может отрицать наличия у себя воспоминаний об аморальных снах. Ибо, помимо противоречия в оценке моральности сновидений, у авторов, принадлежащих к обеим группам, обнаруживается стремление выяснить происхождение безнравственных сновидений, и возникает новое противоречие, в результате которого их источник пытаются найти либо в функциях психической жизни, либо в соматически обусловленных ее нарушениях. Неопровержимые факты заставляют сторонников идеи об ответственности, равно как и безответственности, человека за жизнь во сне искать точку соприкосновения и признать наличие особого психического источника аморальности снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.